Учебная литература по гуманитарным и социальным дисциплинам для высшей школы готовится и издается при содействии Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в рамках программы «Высшее образование».

В.В. Радаев, О.И. Шкаратан

СОЦИАЛЬНАЯ **СТРАТИФИКАЦИЯ**

Рекомендовано Отделом гуманитарного образования Государственного комитета РФ в качестве учебного пособия для высших учебных заведений

Москва
1996

Р а з д е л   ч е т в е р т ы й

СОВЕТСКОЕ И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Г л а в а   10

ТЕОРИИ СТРАТИФИКАЦИИ ОБЩЕСТВА РЕАЛЬНОГО СОЦИАЛИЗМА

1. ОФИЦИАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ – НАСЛЕДИЕ СТАЛИНИЗМА. КРИТИКА ФОРМУЛЫ «2+1» С ПОЗИЦИЙ МАРКСИЗМА

И К. Маркс, и В.И. Ленин связывали победу социализма с процессом полной ликвидации классов вообще. Этот подход сохранялся в Коммунистической партии вплоть до 1934 г. (XVII съезд партии). Пропагандисты того времени стремились раскрыть механизм построения бесклассового общества в СССР, соревнуясь при этом в обосновании возрастающей быстроты процессов эгалитаризации. Поэтому не случайно, например, что попытки отдельных авторов считать колхозное крестьянство новым классом встречали резкую критику[1].

Все изменилось, словно по мановению волшебной палочки, в 1936 г., когда И.В. Сталин выступил с докладом «О проекте Конституции СССР». Он утверждал, что с наступившей победой социализма в стране сформировались совершенно новые общественные классы — рабочий класс, колхозное крестьянство. «Как видите, рабочий класс СССР — это совершенно новый, освобожденный от эксплуатации, рабочий класс, подобного которому не знала еще история человечества». Аналогичным образом были обрисованы изменения в советском крестьянстве. Лица умственного труда были причислены к особой социальной прослойке — интеллигенции, вышедшей из народа и связанной с ним тесными узами. В СССР остались три дружественные социальные силы, грани

[1] *Ищенко Т.* Критика бухаринской теории классов и классовой борьбы и вопрос о классах в СССР//Под знаменем марксизма. 1931, № 4—5. С. 72.

между которыми «стираются, а старая классовая исключительность — исчезает»[2].

Таким образом, официальный образ страны, существовавший в СССР вплоть до конца 80-х годов, был сусальной картиной общества, в котором есть дружественные классы, нет классовых противоположностей и классовых антагонизмов. Два класса различались по формам собственности, с которой были связаны: рабочие — с государственной, крестьяне — с колхозно-кооперативной.

В определенном смысле, конечно, признавалось, что рабочий класс имеет более высокий статус, вытекающий из его особой «исторической миссии». Он был связан с «высшей» формой собственности и играл «ведущую» роль в процессе перехода к коммунизму. Однако и здесь речь шла не о привилегиях, а о социальном опыте и ответственности. Последние не соотносились с властью, позволяющей присваивать труд других социальных групп. Переход к будущему коммунистическому обществу виделся прежде всего не в уменьшении социального или экономического неравенства, не в возрастающей власти непосредственных производителей над условиями производства, но скорее как процесс слияния двух форм социалистической собственности (и соответствующего исчезновения классов), повышения культурно-технического уровня занятых ручным трудом и достижения материального изобилия.

Сохранение дифференциации в доходах не связывалось с иерархиями и привилегиями отдельных классов и слоев, ибо они отражали различие вклада конкретных работников в производство.

Трехчленная формула И.В. Сталина «рабочий класс — колхозное крестьянство — народная интеллигенция» до 60-х годов воспринималась как истина, не нуждающаяся в доказательствах[3]. Но с 60-х годов среди прочих догм потребовала обоснования и «трехчленка». Ведь она противоречила всей традиции марксизма, согласно которой: «Общество, в котором осталась классовая разница между рабочим и крестьянином, не есть ни коммунистическое, ни социалистическое общество»[4]. Было очевидно, что в этой формуле к тому же не соблюдено элементарное правило классификации — взаимное исключение элементов. Оно было выдержано по отношению к обоим «классам» и нарушено по отношению к интелли-

[2] *Сталин И.В.* Вопросы ленинизма. М., 1952. С. 549, 550—551.

[3] Канонической стала книга Г.Е. Глезермана «Ликвидация эксплуататорских классов и преодоление классовых различий в СССР» (М., 1949). Автор, ухитрившийся вписать эту сталинскую формулу и другие его безапелляционные суждения в марксистскую аксиоматику, получил Сталинскую премию.

[4] *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 38. С. 353.

генции. В первом случае критерием служили различия в формах собственности, во втором — различия в характере труда (умственный и физический).

Решительным защитником сталинской формулы, не воспринимавшейся даже внутри мирового коммунистического движения, выступал на протяжении десятилетий М.Н. Руткевич. Недаром социологи нередко называли ее формулой Сталина — Руткевича. М.Н. Руткевич, чтобы преодолеть логическую ловушку, добавил к числу признаков классов характер труда, а интеллигенцию именовал «классовоподобной группой», т.е. как бы подтягивал ее в список «социалистических классов»[5]. Хотя, как тогда отмечали его критики, категория «характер труда» приобрела в отечественной экономической и социологической литературе давно устоявшийся смысл, не имеющий непосредственного отношения к определению классовой принадлежности.

Формула «два класса + прослойка» была создана, чтобы замаскировать реальную стратификацию с невиданными различиями верхов и низов. За словом «интеллигенция» скрывались и сельский учитель, кормивший себя с огорода, и крупный номенклатурный бонза. Эту-то пирамиду и прикрывала «трехчленка».

Модель «2+1» сознательно игнорировала властное измерение. В этом был заведомый отказ от научного подхода к изучению советского общества, отказ от следования традиции К. Маркса, для которого власть была ключевой категорией, через которую преломлялись классовые отношения[6].

Первые попытки поставить под сомнение эту сталинскую формулу, как не отражающую реальность социальных отношений, были предприняты советскими социологами в 60-х годах и были связаны с дискуссиями о границах рабочего класса и месте интеллигенции в социальной структуре. Сущность проблемы еще в 20-х годах отчетливо сформулировал А. Грамши, выдающийся итальянский философ и политический деятель: «Является ли интеллигенция автономной и независимой социальной группой или же всякая социальная группа имеет свою собственную, особую категорию интеллигенции?»[7]

---

[5] Итоговой в этом отношении была книга М.Н. Руткевича «Становление социальной однородности» (М., 1982). См. с. 21—29 и др.

[6] На это обратил внимание М.Ф. Черныш в работе «Власть и социальная структура»//Социальная структура и социальная стратификация. М., ИС РАН. 1992. С. 21—28.

[7] *Грамши А.* Статьи из «Ордино Нуово». Проблемы революции. Проблемы культурной жизни. (На обл. загл.: «Дань истории».) М., 1960. С. 95.

В 60-х годах были чрезвычайно сильны технократические иллюзии у интеллектуалов и на Западе, и на Востоке. Выходили многочисленные книги о проблемах научно-технической революции: вера в возможности научной реорганизации общества, в ликвидацию неонаученного физического труда была огромной. И действительно, доля традиционных отрядов рабочего класса во всех индустриальных странах резко падала. Столь же быстро росла доля занятых в сфере услуг, служащих и работников умственного труда. В связи с этим на Западе конкурентно развивались две концепции: одна — о резком расширении и постепенном доминировании среднего класса в обществах зрелого индустриализма и постиндустриализма (информационная экономика); другая (предложенная марксистами Запада) — о смещении границ рабочего класса и вхождении в его состав в качестве автономных слоев служащих и значительной части техников и инженеров.

Эта дискуссия в СССР была опрокинута на плоскость иной социальной действительности. Впервые, пожалуй, расширенная трактовка границ рабочего класса с фактическим отказом от «трехчленки» была аргументирована С.А. Кугелем[8]. Смысл его позиции, как позднее и других авторов, сводился к следующему. Межклассовые и внутриклассовые различия, составляющие основу социальной структуры общества, явно не совпадают, по крайней мере в условиях развитого индустриального производства, с различиями между работниками физического и умственного труда. Оппоненты трехчленки доказывали, что конторские, торговые и инженерно-технические работники могут рассматриваться как часть рабочего класса[9]. Аналогичным образом трактовалась социальная позиция технической интеллигенции, работающей в колхозах. Она рассматривалась как социальный слой внутри колхозного крестьянства[10].

Вокруг этих, казалось бы, не несущих особой идеологической каверзы, идей развернулась многолетняя шумиха в печати, продлившаяся вплоть до прихода к власти М.С. Горбачева. Почему так остро среагировали идеологи партии (М.А. Суслов, П.Н. Федосеев, В.С. Семенов, М.Н. Руткевич и другие) на кажущуюся скорее странной, чем страшной идею? Да потому, что было задето

---

[8] *Кугель С.А.* Закономерности изменения социальной структуры при переходе к коммунизму. М., 1963.

[9] *Шкаратан О.И.* Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. М., 1970.

[10] *Арутюнян Ю.В.* Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971.

15–778

«святое». Трехчленка давала полную возможность продолжать пропагандировать идею о ведущей роли рабочего класса, о ведомых им крестьянстве и интеллигенции. Получалось, что, например, инженеры, руководители производственных подразделений, социально-статусно ниже менее грамотных, менее знающих подчиненных. Но в этом моменте скрывалась ключевая линия номенклатуры, состоявшая в опоре на менее образованные, менее развитые слои населения.

Постановка вопроса о новых границах рабочего класса сопровождалась суждениями об определяющем значении научно-образованной части общества в его развитии. Следовал вывод о перспективах участия интеллигенции во властных структурах.

Более того, поскольку «профессиональные организаторы» (по терминологии социологов тех лет, а на самом деле — властвующая элита) никак не вписывались в границы основных классов, то их стали выделять в особый социальный слой. Так, высшие слои советского общества, отсутствовавшие в эмпирических стратификационных исследованиях, появляются в теоретических конструктах советских авторов. Особенно заметны были работы Ю.Е. Волкова. Он доказывал необходимость выделения особого слоя интеллигенции, для которой функция управления (в том числе «управления социальными процессами») была профессией. В этот слой он включал не только директоров предприятий, но и ответственных работников высших органов государственного управления, как хозяйственного, так и административно-политического, не связанного непосредственно с производством. Они обособляются от остальных групп населения правом принятия решений, обязательных для других, и правом воплощать эти решения с применением силы, если это оказывается необходимым. Конечно, Волков к этим суждениям добавлял обязательные слова о том, что в социалистическом обществе ликвидируется присущая антагонистическим формациям противоположность между «управляющими» и «управляемыми», но различия между теми и другими при социализме еще есть, причем различия существенные[11].

Здесь перед нами элементы концепции власти как стратифицирующего фактора, которые, пусть и намеком, появились в советских публикациях. Власть понималась как нечто, непременно используемое в общественных интересах. Она никогда не выступает — по крайней мере в макросоциальном контексте — как отношение между правителями и подданными.

---

[11] *Волков Ю.Е.* Организация управления обществом//Вопросы философии. 1965. № 8.

Новым, что было внесено в развитие формулы «2+1» во времена брежневизма (нередко именуемого неосталинизмом), была «концепция» социальной однородности зрелого социализма. Перечислить всю огромную литературу, написанную на сей счет представителями главной партийной науки — научного коммунизма, попросту невозможно. Упомянем книгу «Становление социальной однородности» (М., 1982) М.Н. Руткевича — итоговую для ее автора — одного из наиболее творчески сильных разработчиков этой идеи. Как ни покажется странным, но сама категория «однородность» Руткевичем не раскрыта. Прекрасно понимая, что полная однородность означает прекращение всякого развития, он уходит от обсуждения этой проблемы, подменяя ее анализ рассмотрением категории равенства. Из идеи социальной однородности следует признание им совпадения коренных интересов всех групп советского общества.

Для подтверждения нарастающих процессов однородности проводились эмпирические исследования. В некоторых из них систематизировались вполне достоверные данные о высокообразованных рабочих, занятых на производствах с высокой технологией. Появление этой социально-профессиональной группы (такой же, как в капиталистических странах) выдавалось за успех развития зрелого социализма, а сами эти люди именовались рабочими-интеллигентами[12]. Специальные исследования «доказывали», что из года в год увеличивается эгалитаризующая роль высшей школы, всячески пропагандировались сочетание работы с вечерним образованием, привилегии при приеме в ВУЗы рабочим и колхозникам[13].

Все это вело к снижению профессионального потенциала интеллигенции, к неэффективности труда дурно обученных людей; выдавались же эти явления за пути становления однородного общества. А в это время в СССР крепла теневая экономика, в которой формировались нешуточные состояния; номенклатура исподволь начинала примеряться к приватизации госсобственности; процветал так называемый административный рынок.

Естественно, что в среде пусть и малочисленных, но профессиональных социологов эти идеи даже не обсуждались за их полной и слишком очевидной несостоятельностью. Была вполне по-

---

[12] *Гелюта А.М., Староверов В.И.* Социальный облик рабочего-интеллигента. М., 1977.

[13] См., например: Высшая школа как фактор изменения социальной структуры развитого социалистического общества. Под ред. М.Н. Руткевича. М., 1978; Филиппов Ф.Р. Социология образования. М., 1980 и др.

нятна и идейно-политическая заданность подобных построений: отвлечь широкие массы от размышлений о все возрастающем разрыве в социально-экономическом положении народа и элиты.

2. ДВА ОСНОВНЫХ ВЗГЛЯДА НА ОБЩЕСТВА СОВЕТСКОГО ТИПА

Все разнообразие концепций относительно социальной стратификации, типа социальных отношений в СССР и других обществах «реального социализма» может быть сведено к двум основным подходам. Первый из них, получивший более широкое распространение, состоит в признании обществ советского типа классовыми, где господствующему классу номенклатуры противостоит класс государственно зависимых работников, лишенных собственности (в том числе на свою рабочую силу); это общество может быть интерпретировано как тотальный государственный капитализм. Второй, менее распространенный, рассматривает социальные членения в обществах советского типа как иерархические слоевые, с размытыми границами, обширными зонами трансгрессии между слоями; общество определяется как сословно-слоевое этакратическое.

Первый из подходов имеет длительную историю. Еще задолго до возникновения строя государственного социализма М.А. Бакунин в сочинениях 1870—1873 гг. пришел к выводу, что государственная собственность при диктатуре пролетариата станет экономической базой господства класса «красной бюрократии»[14].

В 30-х годах нашего века идея о возникновении нового класса появилась почти одновременно в работах русского философа Н.А. Бердяева и одного из создателей советской системы Л.Д. Троцкого. В книге Н.А. Бердяева, впервые опубликованной в 1937 г., прямо и недвусмысленно сказано: «... новая советская бюрократия более сильная, чем бюрократия царская, есть новый привилегированный класс, который может жестоко эксплуатировать народные массы». Классовое угнетение приобрело новые формы, не похожие на капиталистические[15].

В то же время Л.Д. Троцкий в книге «Преданная революция. Что такое Советский Союз и куда он идет» писал: «Средства производства принадлежат государству. Но государство принадлежит

[14] *Биггарт Дж.* Александр Богданов и «теория нового класса»//СОЦИС. 1993. № 7. С. 139.; *Холодков В.* Государственный социализм и образование нового класса в СССР//Вопр. экономики. 1992. № 1. С. 131.

[15] *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 105.

бюрократии». Сам Троцкий не был автором теории нового класса. Более того, он отмечал, что «у бюрократии нет ни акций, ни облигаций». Она вербуется «... в порядке административной иерархии, вне зависимости от каких-либо особых, ей присущих отношений собственности.» Поэтому он отвергал представление о советской бюрократии как классе «государственных капиталистов»[16]. Но именно из среды троцкистов вышли создатели первых систематических концепций, описывающих Советский Союз как общество, подчиненное бюрократическому классу, господствующему классу нового типа, управляющему и экономикой, и обществом.

Незадолго до Второй мировой войны бывший итальянский троцкист Бруно Рицци в книге «Бюрократизация мира» обосновал теорию бюрократической революции. Он утверждал, что русская революция заменила одну систему экономической эксплуатации и политического угнетения другой. Троцкий, преследуемый призраком реставрации капитализма в СССР, просмотрел «бюрократический коллективизм», утвердившийся здесь как новая форма классового господства. В отличие от Троцкого Рицци доказывал, что бюрократия и владеет средствами производства, и извлекает прибыль, только делает это не индивидуально, как прежние классы, а коллективно, косвенным образом, посредством государства, собирающего в казну общенациональную прибавочную стоимость и распределяющего ее среди своих чиновников. Эта новая ситуация — не переходная фаза, а устойчивое состояние общества, его новый этап развития. Бюрократическому коллективизму суждено вытеснить капитализм, так как он более эффективен. Рицци считал, что эта новая социальная система победила не только в СССР, но и в нацистской Германии, фашистской Италии, и в рузвельтовских США, т.е. всюду, где доминируют идеи государственного контроля и планирования[17].

Позднее, в 1941 г., вышла знаменитая книга Д. Бернхема «Революция управляющих». В ней он писал, что в течение последних десятилетий управление производством фактически ускользает из рук капиталистов, которые теряют свой статус правящего класса. Возникновение акционерного капитала символизирует переход власти к менеджерам, ибо кто контролирует, тот и собственник. Революция менеджеров началась с России, где на смену капиталистическому обществу пришло общество управляющих. Лозунги здесь, увы, не совпали с результатами. Капиталисты были ликви-

[16] *Роговин В.З.* Троцкий о социальных отношениях в СССР//СОЦИС. 1990. № 5. С. 33, 36.

[17] Цит. по: *Дойчер И.* Адски темная ночь//Иностр. литература. 1989. № 3. С. 213.

дированы как класс, массы обузданы, рабочий контроль свернут; те, кто делал революцию, были уничтожены. Россия стала первым государством менеджеров. В ней сформировалась система классовой эксплуатации на основе государственной экономики. Приход в Германии к власти нацистов был, по мнению Бернхема, также революцией менеджеров[18].

После Второй мировой войны наиболее впечатляющий вклад в это направление анализа обществ советского типа внес М. Джилас. Его книга «The New Class. An Analysis of the Communist System» (L., 1957)[19] и поныне является одной из наиболее читаемых и авторитетных работ по проблемам социального неравенства в обществах советского типа. Джилас имел ряд преимуществ перед Бернхемом. Во-первых, перед его глазами был опыт не только СССР, но и восточно-европейских стран, и опыт большей продолжительности, чем к моменту написания книги Бернхемом. Во-вторых, он наблюдал и изучал систему изнутри, поскольку был до того одним из основателей и руководителей социалистической Югославии.

Он считал (в отличие от Бернхема), что границы распространения нового класса совпадают с границами распространения самой коммунистической системы, и проводил четкую грань между менеджерами капиталистических и социалистических стран. По его мнению, бюрократы в некоммунистическом государстве имеют над собой либо политических хозяев (парламент, региональные выборные органы), либо собственников. Другими словами, бюрократы в некоммунистическом государстве являются чиновниками в современной экономике. Коммунистические же бюрократы не имеют над собой ни собственников, ни политического контроля. Они представляют собой новый класс, где ведущие позиции занимают работники партийного аппарата.

Джилас писал о том, что коммунистические революции действительно явились результатом обострения социальных противоречий в странах с низким уровнем развития капитализма. Их результат в какой-то мере аналогичен тому, к которому пришел Запад, поскольку отношения, созданные после их победы, являются государственно-капиталистическими. Он аргументирует это следующим образом. Так как собственность есть право на прибыль и контроль, а все это находится в руках коммунистической бюрократии, то революция, совершенная во имя ликвидации классовой эксплуатации, завершилась полным господством единственного нового класса. Специфической характеристикой нового класса является его коллективная собственность, что встречалось ранее в восточных деспотиях. Коммунисты не изобрели коллективную собственность как таковую, но придали ей всепроникающий характер.

[18] *Burnham J.* The Managerial Revolution. What is Happening in the World. N.Y., 1941.

[19] Русское издание см. в сб.: *Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992.

Всесторонний анализ нового класса применительно к СССР проделал идейный последователь Джиласа М.С. Восленский[20]. Исходный тезис М. Восленского таков: до революции была создана организация профессиональных революционеров, ориентированная на захват власти. После победы в октябре 1917 г. они разделились на два типа управленцев: ленинскую гвардию и сталинскую номенклатуру. В середине 30-х годов номенклатура ликвидировала ленинскую гвардию. Такой же поэтапный процесс имел место во всех странах коммунистической системы.

Цель системы — власть и господство над другими. Этому и посвящают себя ее руководители — партийные олигархи. Система построена на нищете и пассивности масс, они зависят от власти, которая сама по себе является привилегией. Здесь господствует каста-номенклатура, которая представляет собой часть правящей партии. Восленский предпринял попытку исчислить размер правящего класса. Всего, по его подсчетам, к началу 80-х годов номенклатура включала около 750 тыс. человек, а вместе с семьями — 3 млн. Примерно 100 тыс. — политические, партийные руководители, номенклатура из органов безопасности, армии, сфер производства, образования, науки и т.д.

Долгие годы по цензурным соображениям российские социологи лишь намеками и крайне редко отмечали свою приверженность концепции нового класса. И лишь в конце 80-х годов вышли публикации С. Андреева и других авторов, открыто признавших себя сторонниками этой позиции. С. Андреев писал, что управленческий аппарат обладает всеми признаками общественного класса, создает для себя возможность присвоения не принадлежащего ему чужого труда, используя свое положение в системе общественного производства. Существование нового класса возможно лишь в условиях экстенсивного развития экономики, поскольку интенсивный путь требует принципиально иных общественных и производственных отношений[21].

Представляется, однако, что на самом деле «управляющие» — это не класс, поскольку они, хотя и использовали собственность в своих интересах, но правами распоряжения средствами производ-

[20] *Восленский М.С.* Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.

[21] *Андреев С.* Структура власти и задачи общества//Нева. 1989. № 1.

ства не обладали. Ведь никто из руководителей ни о каких средствах производства не мог сказать, что они — его собственные. Они воспроизводили себя не через экономическое отношение к средствам производства, а через монопольное положение в системе власти, через свою «собственность на государство». Поэтому можно считать оправданным отказ от применения традиционной для марксизма категории класса, разработанной для анализа капиталистического общества, к той реальности, которую представляли собой общества советского типа.

Одним из первых признал неклассовый характер обществ советского типа выдающийся польский социолог Ст. Оссовский. Анализируя ситуацию в странах Восточной Европы, он пришел к выводу, что, поскольку здесь изменения социальной структуры в большей степени осуществляются по воле политической власти, постольку мы далеки от трактовки социального класса в том смысле, как его понимали Маркс (т.е. как групп, различающихся по их отношению к средствам производства), или Вебер (т.е. как групп, различающихся по их отношению к рынку). В ситуациях, где политическая власть может открыто и эффективно изменить классовую структуру; где наиболее важные для социального статуса привилегии, включая повышенную долю в национальном доходе, даруются этой властью; где значительная часть (или даже большинство) населения включена в стратификацию по типу бюрократической иерархии, там категория класса становится большим или меньшим анахронизмом, а классовые конфликты уступают место другим формам социального антагонизма[22].

Следует заметить, что этот подход устойчиво сохранялся в польской социологии в 60—80-х годах. Стефан Новак в 1964 г. недвусмысленно писал: «Эволюция социального положения в послевоенной Польше независимо определяется профессией, экономическим положением и образованием; в то время, как эти факторы, которые, в свою очередь, являются взаимозависимыми, могут либо дополнять, либо уничтожать влияние друг друга»[23]. Ст. Новак предложил выделить в населении Польши следующие социальные слои: неквалифицированные рабочие, квалифицированные рабочие, работники нефизического труда, творческая интеллигенция и лица свободных профессий. Точно такой же была позиция социолога Влодзимержа Весоловского, который в исследованиях польского общества основывался на социально-профессиональной стратификации, беря в качестве дифференцирующих переменных профессию, образование, доход[24].

Более того, авторитетный польский социолог Е. Вятр высказал идею, что именно для СССР, где нет (в отличие от Польши) мелких капиталистов в городе и частнособственнического крестьянства в деревне, правильно намечать слоевую структуру, без классов, что СССР можно считать неэгалитарным бесклассовым обществом[25].

Впервые сторонники сталинской формулы «2+1» и профессиональные социологи из Польши, Венгрии и Чехословакии встретились «лицом к лицу» на конференции по проблемам социальной структуры, состоявшейся в Чехословакии в 1964 г. Основным оппонентом ортодоксальной советской доктрины выступил профессор из Варшавы Зигмунт Бауман. Он утверждал, что при социализме социальная структура не носит классового характера, а основная дифференциация общества связана с профессиональным разделением труда. И для социалистического общества является типичной известная неравномерность в распределении социальных ценностей — квалификации, образования, доходов, власти, перспектив карьеры и т.д. Все это проецируется в субъективной сфере на неравное размещение престижа.

Против такой постановки вопроса выступил представитель СССР М.Н. Руткевич. Он решительно «осудил» антимарксистские (по его мнению) устремления применить стратификационную теорию к объяснению социальных отношений при социализме, поскольку марксистская теория классов, «если она понимается не суженно», полностью включает все вопросы, изучаемые стратификационными концепциями.

В ответ З. Бауман заметил, что действительно научное изучение социальной стратификации не является отрицанием классовой теории, так как каждая из этих теорий занимается «своим» аспектом социальной действительности. Так, марксистская теория классов исследует объективные аспекты социальной структуры, однако не включает, например, вопросы распределения общественного престижа, который не является функцией классовой принадлежности.

В условиях идеологических ограничений поиск истины шел, как правило, путем сочетания обязательных догм с научными, зачастую весьма робкими, объяснениями. Таким неколебимым эле-

---

[22] *Ossowski St.* Structura klasowa w spolecznej swiadomsci. Lodz, 1957.

[23] *Nowak St.* Changes of Social Structure in Social Consciousness//The Polish Sociological Bulletin. 1964. No. 2. P. 43.

[24] *Welosowski W., Slomczynski K.* Social Stratification in Polish Cities//Social Stratification. Ed. J.A. Jackson. Cambridge, 1968.

[25] *Wiatr I.* Spolecznstwo. W., 1965.

ментом любой концепции было признание интегрирующей роли общенародной собственности. После этого начинались поиски критериев дифференциации.

В то время наибольшую известность получили исследования видного чешского социолога П. Махонина и его сотрудников. Признав интегрирующую роль социалистической собственности, Махонин выдвинул на первый план дифференциацию по характеру труда. Были предложены следующие компоненты социального статуса: 1) сложность работы (наличие творческих элементов в труде, степень самостоятельности труда, требуемая квалификация); 2) образование; 3) участие в управлении (объем власти), основанное на социально-профессиональной позиции по месту работы и политической деятельности в свободное время; 4) уровень жизни; 5) образ жизни в свободное время.

В течение нескольких лет авторы публиковали методические материалы и промежуточные результаты исследования (1965—1968 гг.). Они провели блестящий представительный опрос по территории всей страны. И уже в труднейших условиях оккупации Чехословакии советскими войсками сумели издать итоговую книгу[26]. Это была фундаментальная монография, последний отблеск «социализма с человеческим лицом», мечты интеллигентов-шестидесятников о возможности решить социальные проблемы на основе «государственного социализма». Последующие двадцать лет на долю авторов достался неквалифицированный физический труд, который они проектировали (совместно со столь же прекраснодушными теоретиками из других стран «реального социализма») преодолеть (ликвидировать) в недалеком будущем.

В СССР в это время теоретическая мысль некоторых социологов повторила вариант, наиболее продвинутый в трудах П. Махонина, но часть авторов попыталась найти иное объяснение столь очевидному неравенству в своей стране. Они задались вопросом: имеется ли при социализме полное равенство в реальном процессе присвоения собственности. Это была совершенно еретическая по тем временам мысль, и пришла она в голову еще в конце 50-х годов экономисту Я.А. Кронроду. Он писал о том, что в стране при формальном равенстве отношений собственности существует реальное неравенство по их использованию. Это неравенство действует в фазах производства, распределения, обмена и потребления[27].

[26] *Pavel Machonin a kolektiv.* Ceskoslovenska Spolecnost. Socologiska analyza socialni stratifikace. Bratislava, november 1969.

[27] Итоговой публикацией была книга: *Кронрод Я.А.* Законы политической экономии социализма. М., 1966 (см. особенно с. 300—313).

Естественно, что автор при этом изо всех сил доказывал свою верность принципам научного коммунизма и свою убежденность в преодолении этого противоречия. На практике же теоретическое построение Кронрода давало другим еретикам в краткие периоды идеологических оттепелей возможность обосновать и эмпирически подтвердить неравенство между людьми[28]. Причем эта экономическая концепция «работала» на подтверждение слоевого строения советского общества, поскольку сама категория меры присвоения могла быть выражена не в оппозиции «собственник — несобственник», а в континууме, отражавшем эту меру как во властной и профессионально-должностной позиции, так и в уровне присвоения благ и услуг.

Точка зрения на советское общество как слоевое получила развитие в СССР во второй половине 60-х годов. Конечно, вынужденные к тому идеологической цензурой, эти отечественные исследователи обычно добавляли обязательные слова о сохраняющихся еще «двух дружественных классах и народной интеллигенции», но опытный советский читатель тут же обнаруживал комментарий о том, что данные классовые различия несущественны, а определяющими в общественных отношениях являются слоевые (социально-профессиональные). Из таблиц и схем, всей системы фактических данных следовало, что этим авторам совершенно чужда не только официальная псевдоклассовая «концепция», но и теория нового класса.

На Западе эти публикации польских, чешских и российских авторов переводились, цитировались, но не были интегрированы в «фонд» основных научных идей, где неоспоримо господствовала теория «нового класса», вполне вписывавшаяся в европоцентристский взгляд на социальное неравенство[29]. Исключение составляют работы ряда социологов из ФРГ. Среди них следует выделить цикл публикаций Вольфганга Теккенберга[30].

[28] См.: *Шкаратан О.И.* Социальная структура рабочего класса СССР. М., 1970; *Арутюнян Ю.В.* Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971.

[29] См., например, сб. переводов: Social Stratification and Mobility in the USSR. Eds M. Yanowitch, W.A. Fisher. With commentary by S.M. Lipset//International Journal of Sociology. N.Y. 1973. Vol. III. No. 1—2; The Social Structure of the USSR. Resent Soviet Studies. Ed. by M. Yanowitch. N.Y., M.E. Sharp, 1986 и др.

[30] *Teckenberg W.* Die soziale Struktur der sowjetischen Arbeiterklasse im internationalen Vergleich. Auf dem Wege zur industrialisierten Standegesellschaft? Munchen, Wien, 1977; The Social Structure of the Soviet Working Class. Toward an Estatist Society?//International Journal of Sociology. 1981—1982. Vol. XI. No 4; The Stability of Occupational Structures, Social Mobility, and Interest Formation: The USSR as an Estatist Society in Comparison with Class Societies//International Journal of Sociology. N.Y. 1989. Vol. 19. No. 2.

В основу своего подхода В.Текенберг положил веберовскую концепцию, интерпретируемую в американской социологической традиции как концепцию статусных групп. На самом же деле, по его мнению, это — концепция сословий. Она строится на следующих основаниях: образ жизни, формальный уровень образования и престиж наследуемого положения или профессии. По Текенбергу, это позволяет глубоко понять природу социального неравенства в СССР, которое строится на государственно контролируемом неравенстве в распределении и жизненных шансах. В результате люди получают разные возможности использования ресурсов; правда, эти различия не столь значительны, как при рыночных отношениях в капиталистических обществах из-за бюрократического и профессионального контроля за доступом к ресурсам.

Для обозначения существующего в СССР типа общества В.Текенберг выбирает термин «феодальное». В советском обществе социальное неравенство проявляется преимущественно в жизненном положении и престиже, а не как в западных обществах — в различном уровне доходов. Этому типу социальной системы лучше всего подошло бы понятие «корпоративный». При смене режима в неизменной целостности пребывают хозяйственные единицы и профессиональные союзы, армия. Они сохраняют значительную автономию при обновлении политического руководства.

На базе неравенства в доступе и распределении материальных благ и различного жизненного положения социальные группы в советском обществе организованы в квазисословные образования. Их деятельность относительно независима от «феодальной» элиты, для которой характерно слияние господства над государственной собственностью и политической властью. Определенные представления относительно жизненного стандарта и культурного уровня приводят к «замыканию» социальных групп, иерархия которых строится не только на основе дохода. Эти профессиональные образования сходны со средневековыми «цеховыми» группами, определяющими культурные аспекты потребления и поведения.

Непосредственно связанные с профессией факторы дистрибутивного неравенства (доход, образование) не являются достаточными, по мнению В.Текенберга, для дифференцированного объяснения структурных различий в образе жизни различных групп населения.

На ступени более низкого профессионального статуса сословные элементы выступают скорее в форме сильно сегментированных отраслей, что частично связано со структурными особенностями советской промышленности. Сословные группировки образуются по принадлежности не только к определенным отраслям, но и к крупным промышленным предприятиям, которые предоставляют своим работникам определенный набор социальных привилегий (таких, например, как возможность пользоваться домами отдыха, санаториями, особыми магазинами и т.д.). Такого рода сословные образования могли появиться благодаря более тесной связи людей с предприятием, чем это принято на Западе.

Внутри сословий и политических организаций обладатели ролей пытаются укрепить свою власть посредством объединения и монополизации информации в определенной сфере и усилить контроль над распространением ролей, что свойственно не только высшим сословиям — слоям, но и слою промышленных рабочих. Внутри сословий развивается немонетарная система взаимных обязательств (протекция, семейные кланы).

Управление перераспределением и потреблением в описании Текенберга сильно напоминает сословные общества в определении М.Вебера: «Каждое сословное общество обычно организовано по жизненным правилам, создает из них экономически иррациональные условия потребления и таким образом посредством монополистического присвоения и посредством исключения свободного распоряжения собственной трудовой деятельностью препятствует свободному образованию рынка»[31].

Идеи В.Текенберга получили поддержку известного немецкого социолога Эрвина К. Шойха, который в предисловии к его книге (1977 г.) писал: «СССР действительно во многом демонстрирует черты ленной системы, дополняемой все новыми изъявлениями преданности после смены политического руководства. Но к СССР лучше подошло бы понятие «корпоративного» общества... В лице СССР возник новый вариант индустриального общества, по отношению к которому нельзя выдвинуть претензию, что оно находится в переходной стадии; это самостоятельный тип общественной системы»[32].

Особняком стоят работы видного венгерского социолога Ивана Селеньи о социальных перспективах интеллигенции в контексте развития социальных отношений в Восточной Европе. В отличие от М.Н. Руткевича, он рассматривает процесс изменения социальных позиций интеллигенции именно на основе главных классовых критериев власти и собственности. Широкую известность получила его книга, написанная совместно с Дьердем Конрадом

---

[31] *Teckenberg W.* Die soziale Struktur... S. 21.

[32] Ibid. S. 16.

«Путь интеллигенции к классовой власти»[33]. Эту книгу сами авторы рассматривали как дружескую полемику с Милованом Джиласом. В книге были выделены три периода развития социализма. Первый — сталинизм. Лучшим теоретиком социальной структуры этого периода был, по мнению авторов, М. Джилас. Для этого периода были характерны иерархическая структура общества, монопольная власть бюрократической элиты, сословные методы управления. Закончился он в середине (или к концу) 50-х годов. Начавшийся тогда же второй период социализма характеризуется стремлением бюрократической элиты привлечь на свою сторону интеллигенцию, в основном техническую, и разделить с ней власть. Книга была посвящена анализу этого периода. В ней Конрад и Селеньи утверждали, что на втором этапе пошел процесс разложения государства сословного типа, стала уменьшаться монопольность господства бюрократии и началось образование нового правящего класса, который, по-видимому, будет включать в себя всю интеллигенцию. Формирование этого класса займет целую историческую эпоху. Социализм, при котором власть будет принадлежать интеллигенции, станет качественно новой эпохой. Это и будет третьим периодом социализма.

В более поздних публикациях (1988 г.) Конрад и Селеньи писали о том, что для возникновения нового класса нужны **действующие силы**, агенты, способные и стремящиеся занять новые классовые позиции; новые **социально-экономические позиции**, которые они могли бы занять; наконец, эти новые действующие силы должны выработать новый тип **сознания**. По их предположениям, по всем трем аспектам в ходе посткоммунистического развития интеллигенция Центральной и Восточной Европы имеет шанс сформироваться как класс.

А в статье, датируемой 1991 г., эти же авторы с энтузиазмом писали: «В настоящее время интеллигенции действительно принадлежит наиболее существенная роль в трансформации обществ государственного социализма... Произошел распад фундамента, на котором зиждилось господство бюрократии, и с уходом с политической арены прежней элиты единственным жизнеспособным претендентом на роль новой элиты стала

---

[33] *Konrad J., Zeleni I.* The Intellectuals on the Road to Class Power: A Sociological Study of the Role of the Intelligentsia in Socialism. N.Y., 1979; *Конрад Д., Селеньи И.* Интеллигенция и власть в посткоммунистических обществах//Венгерский меридиан. 1991, № 1; *Селеньи И.* Интеллигенция и власть: опыт Восточной Европы. 1960—1980-е гг.//Рубеж. 1995. № 6—7.

интеллигенция»[34]. Жизнь не подтвердила этого предвидения венгерских социологов (см. гл. 12).

3. ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ СТРАТИФИКАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ[35]

Научная социология невозможна в тоталитарном обществе. Но как только началась послесталинская оттепель, стали проклевываться первые ростки академической социологии. Едва зародившись, да и то пока еще в эмпирической форме, социология в СССР очень серьезно занялась стратификацией. В работах социологов-дилетантов, социологов-самоучек уже в начале 60-х годов прозвучали признания о существовании в стране значительного неравенства во власти, жизненных шансах, социальном статусе. Появились публикации с данными о бедности в СССР, которую обозначали термином «малообеспеченность»; появились в публикациях сведения о реальном неравенстве в распределении жилья, о различиях в уровне образования.

Наибольший интерес вызвали тогда исследования новосибирского социолога В.Н. Шубкина, вплотную примыкавшие к тематике стратификационных изысканий. С конца 50-х годов он исследовал (причем многолетне, по единой методике) меру престижности разных профессий у школьников, жизненные планы молодежи и влияние различных социальных факторов на их реализацию (город — село, социальное положение родителей и т.д.). Эти изыскания были повторены в разных районах страны и устойчиво продолжались более 20 лет[36]. Интерпретационные возможности полученного в итоге грандиозного массива информации для целей изучения стратификации до сих пор недооценены отечественными социологами. Именно через учащихся школ могут быть «схвачены» недоступные, как правило, в представительных опросах социальные «верхи» и «низы».

Переломным моментом в развертывании стратификационных исследований явилась Всесоюзная конференция по проблемам со-

---

[34] *Конрад Д., Селеньи И.* Интеллигенция и власть в посткоммунистических обществах//Венгерский меридиан. 1991. № 1. С. 26.

[35] В этом параграфе в нескольких случаях использованы подходы к анализу советской литературы, содержащиеся в книге: Yanowith M. Social and Economic Inequality in the Soviet Union: Six Studies. White Plains. N.Y., 1977.

[36] *Шубкин В.Н.* Социологические опыты (Методологические вопросы социальных исследований). М., 1970; *Чередниченко Г.А. , Шубкин В.Н.* Молодежь вступает в жизнь (Социологические исследования проблем выбора профессии и трудоустройства). М., 1985.

циальной структуры, состоявшаяся летом 1965 г. в Минске. Хотя все официальные руководители были выразителями сталинистской концепции, на ней впервые достаточно отчетливо прозвучал голос тогда молодых социологов, которые в ближайшие годы проделали наиболее серьезные работы по социальным делениям и природе социального неравенства в СССР.

Несколько лет — после Н.С. Хрущева вплоть до оккупации Чехословакии (1965—1968 гг.) — были наиболее благоприятными для развития социологических исследований. Элита стремилась опереться на интеллигенцию, найти в ней своего союзника и партнера в укреплении режима. Шло расширение рядов бюрократии за счет интеллектуалов, правда, не на контрольных позициях. Создавались различные обществоведческие центры (Институт мирового рабочего движения, Институт конкретных социальных исследований) с явно выраженным социологическим уклоном. В других гуманитарных институтах АН СССР организовывались социологические отделы и лаборатории. Во главе институтов встали либерально мыслящие люди (академики А.М. Румянцев, Ю.В. Бромлей и другие). Эта ситуация по инерции продлилась до 1972 г.

Следует иметь в виду, что почти все социологи того времени совсем не были противниками социализма. Они стремились к его оздоровлению, смене сталинской модели на модель «социализма с человеческим лицом». С этим во многом связана и манера, с помощью которой в литературу вводились новая терминология и концептуальный аппарат, — без прямого разрыва с официальными остаточно сталинистскими построениями, сохранившимися в партийно-государственной идеологии.

Исследования стратификации тех лет строились на применении таких, традиционно используемых и западными социологами, критериев, как уровень образования и квалификация, содержание труда и различие в доходах. В них отчетливо формулировалась концепция советского общества как иерархической структуры социальных групп, которые могут быть ранжированы в соответствии с их более высоким или более низким статусом. Т.И. Заславская наиболее четко и открыто выразила эту позицию: «Общественное положение, занимаемое различными слоями и классами в социалистическом обществе, может быть в принципе представлено в форме определенной иерархии, в которой некоторые позиции считаются выше, чем другие. Основой для вертикальной иерархии социальных позиций является сложность труда... и ответственность в осуществляемом труде, увеличение которых сопровождается повышением требуемого образования, возрастающим

материальным вознаграждением и соответствующими изменениями в образе жизни»[37].

В работах других авторов, непосредственно посвященных проблемам социальной структуры, также прямо отмечалось, что в советском обществе ее элементами являются «группы людей, неравных в экономических и социальных отношениях». Их неравенство не только является «наследием капитализма, но и воспроизводится в условиях социализма»[38].

Это был по существу отчетливый разрыв с официальным взглядом на социальную систему, которая структурировалась только горизонтально и в которой неравенство в распределении рассматривалось лишь как отражение индивидуальной эффективности, индивидуальных заслуг.

Хотя схема «2+1» явно не отвергалась, авторы, вводя от восьми до десяти социально-профессиональных групп (социальных слоев), стремились описать различия между ними по их экономическому положению, культурному уровню, ценностным ориентациям и образу жизни. Появление этих «восьми-» и «десятичленок» объяснялось надобностью социального планирования, регулирования таких процессов, как миграция, городское и сельское развитие, подготовка кадров, досуг и рекреация и т.д., для чего недостаточно было старой модели всего лишь из трех элементов.

На самом же деле исходная позиция заключалась в том, что «в социальной структуре... нашего общества, наряду с различиями, связанными с формами социалистической собственности, приобретают существенное значение социально-профессиональные различия, коренящиеся в особенностях общественно-экономического разделения труда. Выделяемые на этой основе социальные слои выражают более целостную, детализированную и многофакторную классификацию»[39]. Ю.В. Арутюнян пришел к выводу, что социально-профессиональная группа — это «первичный элемент социальной структуры»[40]. А другой автор признал подобные группы «решающими структурообразующими элементами» городского насе-

---

[37] *Заславская Т.И.* О социальных функциях миграции сельского населения в городе//Урбанизация и рабочий класс в условиях научно-технической революции. М., 1970. С. 103.

[38] *Шкаратан О.И.* Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. М., 1970. С. 51, 153.

[39] *Арутюнян Ю.В.* Предисловие//Социальное и национальное. М., 1973. С. 7.

[40] *Арутюнян Ю.В.* Социальная структура сельского населения СССР. М., 1971. С. 99.

16–778

ления»[41]. Оба социолога считали возможным классифицировать (и классифицировали) структурные элементы общества без классов (рабочих, колхозников), а также без интеллигенции как некоего целостного образования.

Эти же авторы подчеркивали, что социальные слои в условиях снижающейся важности различий в формах собственности и возрастающего значения характера труда (или, по иной концепции, — меры присвоения собственности) все в меньшей степени выступают как внутриклассовые группы и все в большей мере — как непосредственно внутриобщественные группы = слои.

Социальные слои, выделяемые в исследованиях, были ранжированы от неквалифицированных рабочих (или колхозников) до руководителей предприятий (колхозов) и руководителей региональных органов управления. В этих классификациях вообще отсутствовали классы и интеллигенция. Последняя была представлена слоями работников управленческого труда (в ряде случаев с выделением руководителей высшего и среднего звена); работников высококвалифицированного научно-технического труда; работников квалифицированного умственного труда.

Первые же попытки социологов принять во внимание ряд факторов, влияющих на неравенство в обществе, и измерить это неравенство, выделить по ряду взаимосвязанных характеристик социальные слои, иерархически размещенные в социальном пространстве, вызвали ответную реакцию отторжения этих идей. М.Н. Руткевич и Ф.Р. Филиппов в своей книге «Социальные перемещения» (М., 1970. С. 41—42 и др.) решительно выступили против применения «буржуазных» стратификационных схем для анализа советского общества. Они утверждали, что в условиях социализма речь может идти о вертикальной градации только в том смысле, что существует еще неравенство по степени сложности труда, так как «более сложный труд требует более высокой квалификации и образования работника и поэтому вознаграждается обществом выше в соответствии с принципами социализма. Поэтому продвижение работника в результате роста его образовательного уровня, квалификации, накопления им опыта и т.п. к более сложному труду можно рассматривать как перемещение «по вертикали», т.е. как социальное восхождение». Руткевич и Филиппов были далеки от признания, что за вертикальной мобильностью по сложности труда стоит одно из измерений социального неравенства, что такого рода неравенства перманентно переплетаются между собой, что, наконец, кумулятивный эффект таких отношений и выражается в стратификации социальных групп.

[41] *Шкаратан О.И.* Проблемы социальной структуры советского города//Научные доклады высшей школы. Филос. науки. 1970. № 5. С. 23.

Надо заметить, что теоретические конструкты социологов 60-х годов заслуживают и научной критики. Верхние слои общества, подлинные хозяева страны, никогда не фигурировали в этих изысканиях. То же можно сказать о многих миллионах сограждан, оказавшихся в самом низу социальной пирамиды (заключенные, бомжи, так называемые бичи и т.д.). Даже в лучших исследованиях фактически игнорировался властный стратификационный срез, хотя он имплицитно присутствовал в виде групп, выделенных по характеру труда (индикаторы — должность и политическая деятельность; численность и «качество» подчиненных). Однако реально в число опрошенных попадали персоны рангом не выше директоров заводов и председателей колхозов, второстепенных лиц из региональной администрации.

К тому же, отражая верно внешние проявления социального неравенства, даже наиболее значительные изыскания не могли дать объяснения причин и механизмов социальной дифференциации. Дело в том, что советский тип общества не воспринимался как некая данность — с особой структурой, относящейся, быть может, к другому типу цивилизации, к другому типу экономической организации, чем западные. Современное научное знание является европейским по своему происхождению. Сложившиеся теории и категориальный аппарат могут быть однозначно поняты и интерпретированы применительно к обществам, строящимся на частной собственности, гражданских отношениях и индивидуализме. Но они не вполне адекватно отражают реалии обществ, обладающих другими институциональными структурами, другими культурами, другими социально-экономическими отношениями. Об этом мы поговорим далее, в заключительном параграфе этой главы.

Уже в канун коллапса «реального социализма» болгарский социолог Николай Тилкиджиев взял на себя труд систематизировать взгляды сторонников слоевой структуры обществ советского типа. Он обратил особое внимание на необходимость различать слоевую структуру от социально-профессиональной и тем самым раскрыл существенный дефект исследований в СССР, Польше, Чехословакии. Он отметил особое значение разведения социального неравенства и собственно профессиональных различий как явлений разной природы. Социально-профессиональная принадлежность — основополагающая в формировании слоев, включающая особенности характера труда, квалификационно-образовательные и профессионально-отраслевые качества работников. Но необходимо принимать во внимание также влияние: социального проис-

хождения, социальных связей (супружеских, дружеских и т.д.); жилищных и поселенческих условий; институционального фактора (здесь особенно выделены Н. Тилкиджиевым властные ресурсы институтов и степень включенности в их деятельность представителей социально-профессиональных групп)[42].

В начале 70-х годов разрядка в отношениях между властями и интеллигенцией закончилась. «Пражская весна» 1968 г. отрезвила номенклатуру. В ней победили самые мрачные просталинистские силы. Существенно изменилась обстановка в социальных науках. Один за другим профессиональные социологи отходили в сторону от проблем социальной стратификации. Практически к 80-м годам в печати выходили работы преимущественно М.Н. Руткевича и близких ему авторов — В.И. Староверова, Ф.Р. Филиппова и др. Они продолжали «развивать» упомянутую формулу И.В. Сталина, добавив к ней многообразные доказательства растущей социальной однородности общества. В то же время следует заметить, что ими проводились эмпирические исследования, которые имели в определенном смысле позитивное значение, поскольку давали дополнительную и зачастую даже не совпадавшую с идейными замыслами авторов информацию.

Те немногие социологи, кто пытался сохранить верность избранной тематике, получали, в основном, результаты методологического характера. Так, в некоторых изысканиях были построены оригинальные, не имевшие аналога в западной литературе, математико-статистические модели воспроизводства социальной иерархии, основанные на данных представительных опросов[43].

Остановимся подробнее на результатах, полученных при социологической классификации профессий.

4. ПРАКТИКА ИЗУЧЕНИЯ СТРАТИФИКАЦИИ НА ОСНОВЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Отечественный опыт имеет и совпадения, и несовпадения с западным. Это связано с особенностями государственной статистики в стране. Что касается профессиональных признаков как ведущих критериев социальной дифференциации, то здесь подходы

[42] *Тилкиджиев Н.* Слоева структура на социалистическото общество//Социол. проблемы. 1987. № 3. С. 11—42.

[43] *Васильева Э.К.* Социально-экономическая структура населения СССР. М., 1978; *Лукина В.И., Нехорошков С.Б.* Динамика социальной структуры населения СССР. М., 1982; *Рукавишников В.О.* Население города (Социальный состав, расселение, оценка городской среды). М., 1980.

не просто совпадают, но, можно сказать, советские авторы выступили адептами высокой оценки статуса профессий в вопросах формирования и развития социальных групп и слоев.

Эта мысль с предельной отчетливостью сформулирована В.Г.Подмарковым: «Профессиональную структуру на всех уровнях мы рассматриваем как часть социальной структуры. Приобретение профессии является одним из основных элементов социализации личности, т.е. включения ее в систему существующих общественных отношений. Развиваемые на этой основе профессиональные связи представляют собой особую форму социальных связей безотносительно к тому, рассматривается ли уровень производственного коллектива или уровень общества в целом. Профессиональная структура общества объединяет все многообразие профессий и различных трудовых позиций, связывая систему общественных отношений с трудовой деятельностью общества. Особенность профессиональной структуры состоит в том, что она является как бы проекцией социальной структуры на процессы труда, поскольку она определяет связи между людьми, устанавливающиеся в ходе этих процессов.

В связях фиксируются единство занятий и профессиональные различия как особая форма социальных различий. Такие различия возникают на основе дифференциации специальной подготовки и статусных уровней, поэтому саму профессиональную структуру можно рассматривать как иерархическую систему, состоящую из ранжированных социальных позиций работников»[44].

В СССР исследование профессий долгое время развивалось в рамках экономической науки. Обычно отмечали, что профессия — это род занятий или трудовой деятельности человека. Такие занятия могут быть различными в зависимости как от отрасли производства, так и от специфики выполняемых функций. Во всех случаях профессия означает род деятельности, требующей определенной подготовки и являющейся источником существования. Первым подобный подход еще в 20-х годах сформулировал С.Г.Струмилин[45].

Отсюда следует, что профессия является характеристикой и работника, и его рабочего места, и процесса труда. В первом значении профессия указывает на специфические навыки человека, на его знания, необходимые для выполнения определенных трудовых операций. Во втором значении профессия характеризует заданный набор трудовых функций, присущих рабочему месту. В

[44] *Подмарков В.Г.* Человек в мире профессий//Вопросы философии. 1972. № 8. С. 60.

[45] См. *Струмилин С.Г.* Проблемы экономики труда. М., 1957. С. 12.

третьем значении профессия раскрывает специфику протекания трудовой деятельности, структуру и последовательность трудовых операций.

В 70-х годах многие исследователи стали отмечать необходимость дальнейшего развития представлений о сущности категории «профессия». В частности, последовали указания на то обстоятельство, что сложившиеся определения (С.Г.Струмилина и аналогичные ему) не поддаются операционализации, что необходим и социологический взгляд на мир профессий.

К сожалению, российские авторы не располагали и не располагают неким базовым источником наподобие американского Dictionary of Occupational Titles. Поэтому методики классификации строились на основе не очень-то надежных экспертных оценок профессий. Сложной проблемой, вставшей перед отечественными авторами, было отличение социально-экономических и технико-организационных особенностей профессий.

Ранее всего была создана классификация профессий по механизации труда, которая охватывала только рабочих промышленности. Она была разработана в Центральном статистическом управлении СССР и действовала с 1959 по 1979 г. В ней производственные рабочие подразделяются на: 1) занятых управлением и наблюдением за работой автоматов; 2) выполняющих работу при помощи машин и механизмов; 3) выполняющих работу вручную, занятых при машинах и механизмах; 4) выполняющих работу вручную не при машинах и механизмах; 5) выполняющих работу вручную по наладке и ремонту машин и механизмов. Конечно, выделение каждой из пяти групп имело определенный экономический смысл. Например, данная группировка помогла выяснению вопросов, связанных с механизацией и автоматизацией производственных процессов.

Однако классификация ЦСУ в течение многих лет вызывала серьезные сомнения в ее корректности. По этой методике рабочими механизированного труда считались только те, кто непосредственно выполнял работу на автоматах, машинах и механизмах. А рабочие, занятые уходом за оборудованием, его обслуживанием и дежурным ремонтом, были объединены с теми, чей труд является не- и малоквалифицированным.

Недостатки группировки ЦСУ СССР понудили ряд авторов предложить свой вариант классификации профессий с учетом уровней механизации труда. Так, А.М.Вейнберг разработал функционально-технологическую классификацию рабочих профессий, отражающую специфику содержания труда: 1) рабочие ручного труда на операциях механической обработки; 2) рабочие по управлению машинами и станками на операциях машинной обработки; 3) рабочие ручного труда по управлению физическими и химическими процессами; 4) рабочие по управлению аппаратными процессами; 5) рабочие ручного труда на сборочно-монтажных операциях; 6) рабочие по управлению машинами и станками на сборочно-монтажных операциях; 7) рабочие ручного труда на погрузочных и транспортных работах; 8) рабочие по управлению подъемно-транспортными машинами и механизмами; 9) рабочие ручного труда на контрольных операциях; 10) рабочие на ремонтных работах; 11) рабочие по техническому обслуживанию оборудования (наладчики, дежурные электрослесари и т.д.); 12) прочие.

Однако все подобные группировки профессий, споспешествуя задачам изучения возможностей и путей механизации ручного не- и малоквалифицированного труда, не адекватны цели классификации профессий для последующего выделения социальных слоев.

Еще одним вариантом классификаций, получившим широкое распространение, являются классификации по объективным характеристикам содержания труда, по уровню творческих возможностей работы. Они разрабатывались по двум направлениям: во-первых, с точки зрения формирования личности работника, во-вторых, с точки зрения воздействия научно-технического прогресса на квалификационные характеристики рабочих.

Весьма интересные в методическом отношении и получившие широкое обсуждение в кругах социологической общественности эти классификации имели свою строгую целевую направленность. Так, второй тип методик позволял на основе полученных группировок проследить основные тенденции в изменении квалификации рабочих в зависимости от изменения содержания их труда, обусловленного техническим прогрессом, и предвидеть изменение потребности отраслей народного хозяйства в рабочих различного уровня и характера квалификации.

Автор настоящей главы был одним из тех, кто в 60—70-х годах предпринял попытку классифицировать профессии для целей исследования реальной стратификации российского общества. Особенностью нашего подхода к выделению социальных слоев является принятие в качестве элементарной единицы классификации не индивида, а профессии. При этом каждая группа сходных по социальным характеристикам профессий рассматривается как формально-статистическая «рамка» реального социального слоя. Ведь последний может быть выявлен лишь с учетом социальных ценностей, норм, интересов, стиля жизни входящих в состав слоя индивидов. Индивиды, близкие по своим социальным характеристикам, потребностям и нормам, закрепляются за определенными видами труда; именно поэтому профессиональные группы работ-

ников, сходные по характеру выполняемого труда, отличаются специфическим социальным обликом и стилем жизни. В случае социальных перемещений усвоение норм и ценностей социального слоя осуществляется через трудовой коллектив, соседнее общение и т.д., что требует определенного срока адаптации.

Применение группировки профессий на основе формальных процедур не вполне адекватно решает задачу выделения социальных слоев. Сами по себе профессии непосредственно отражают лишь техническое (функциональное) разделение труда, а не социальную разнородность его. Поэтому достаточно часты случаи, когда носители одной и той же профессии относятся к разным социальным слоям (например, рядовой лечащий врач и руководящий деятель медицины и т.д.). Не случайно, что использование на практике профессии как эмпирического индикатора социальной дифференциации всегда требует привлечения дополнительных показателей, которым придается в некоторых случаях определяющее значение.

Отождествление профессии с социальным «родом» труда обычно осуществляется на основе оценки степени механизации труда, соотношения в рабочем времени операций умственного и физического труда и т.д. Кроме того, следует учесть кратковременность жизни профессий в условиях современной экономики при относительно большем периоде существования социальных слоев. Сохраняющиеся же по своим наименованиям профессии существенно меняют свое содержание. Трудно доказать, что станочник 30-х и 90-х годов занимает одни и те же социальные позиции в обществе, и еще сложнее предсказать социальную позицию станочника, скажем, на 2020 г., хотя сама профессия будет существовать. Можно предположить также, что социальные слои «теряют» и «приобретают» профессии за период своего существования. И тем не менее, несмотря на все высказанные сомнения, только социологическая классификация профессий на основе прямой операционализации родовых свойств труда дает устойчивые и проверенные опытом результаты в выявлении социальных слоев.

Изложенный выше подход предопределяет и «технологию» классификации профессий. Метод, разработанный нами, предполагает обязательность прямой операционализации родовых свойств труда. Социальный слой присваивает определенный круг профессий. Общим в профессиях, относимых к определенному слою, является принадлежность к одному и тому же «роду» труда. Разделение на «роды» труда подразумевает в операциональном смысле совокупную оценку качественных различий по содержанию труда и по социальным обстоятельствам его осуществления.

Поэтому первым шагом классификации профессий является

формирование теоретического представления о социальном слое как носителе трудовой деятельности качественно определенного рода. Вторым шагом служит структурирование «рода» труда на его основные компоненты, которые измеряют меру разнообразия, творческой потенции, властных полномочий и социальной значимости труда в конкретных профессиях. Третий шаг — экспертное отнесение конкретных профессий к соответствующему пункту шкал по каждой из компонент рода труда. Другими словами, задача эксперта заключается в том, чтобы, располагая подробными описаниями заранее выделенных «родов» труда, отнести соответствующую профессию к определенному роду труда. В подобном случае естественно необходимы четкие эмпирические критерии, отличающие один социальный слой от другого. Таковыми и служат градации индикаторов компонент характера труда. Четвертым шагом служит распределение профессий (и должностей) по интегральной шкале; установление на этой основе «родов» труда (= градаций интегральной шкалы характера труда), а тем самым уточнение системных границ слоев, т.е. определение (на эмпирическом уровне) примерного круга профессий, охватываемых каждым социальным слоем.

Выделение «родовых» характеристик в конкретных профессиях осуществлялось на основе следующих показателей: 1) соотношение исполнительских и организаторских функций; 2) степень многообразия функций и интеллектуального напряжения, возможность новизны (нестереотипности, творчества, эвристичности) в принимаемых решениях относительно производственного процесса; 3) степень самостоятельности в регулировании последовательности трудовых операций и действительного времени труда (степень самоорганизации труда); 4) объем требуемых общего образования и профессиональной подготовки (т.е. сложность труда); 5) социально-экономическая оценка работников, выполняющих труд данного вида. Эта оценка воплощается через механизм распределения материальных и духовных благ с учетом их значимости. В качестве эмпирических индикаторов были взяты заработная плата (размер), жилище (метраж, тип квартиры).

Ниже приведены шкалы индикаторов компонент характера труда, упорядоченных по возрастанию (в одном случае — убыванию) интенсивности проявления признаков, в том виде, как они были применены в 1975—1985гг.

I. Соотношение исполнительских и организаторских функций:

1) исполнитель; 2) руководитель малого трудового коллектива со средним уровнем образования непосредственных подчиненных до 9 классов включительно; 3) руководитель малого трудового кол-

лектива со средним уровнем образования непосредственных подчиненных — общее среднее и среднее специальное; 4) руководитель малого трудового коллектива со средним уровнем образования непосредственных подчиненных — вуз; 5) руководитель «среднего звена» (начальники цехов, отделов и т.п.) со средним уровнем образования непосредственных подчиненных — общее среднее и среднее специальное; 6) руководитель «среднего звена» со средним уровнем образования непосредственных подчиненных — вуз; 7) руководитель самостоятельной организации или учреждения (директор предприятия, торга, универмага и т.п.) со средним уровнем образования непосредственных подчиненных — до среднего специального включительно; 8) руководитель самостоятельной организации или учреждения со средним уровнем образования непосредственных подчиненных — вуз.

II. Степень многообразия функций, нестереотипности, творчества, эвристичности:

1) фактически нет никаких отклонений от заранее установленной «рутины» работы (например, грузчик, уборщица); 2) возможно лишь умеренное отклонение от заранее установленной «рутины» (например, счетовод, кладовщик); 3) возможны значительные отклонения от «рутины»; трудовые операции изо дня в день и в течении дня претерпевают значительные изменения, но в ожидаемых пределах (например, автомеханик, машинист и т.д.); 4) работа характеризуется значительными возможностями совершенствования методов, приспособлений, организации труда и необходимостью принимать решения (технолог, мастер, заведующий магазином и т.д.); 5) в действиях фактически нет заранее установленной рутины, данная рабочая позиция предполагает неограниченность ресурсов проявления инициативы (доцент и профессор вуза, исследователь, актер, директор предприятия и т.д.).

III. Степень самоорганизации в труде:

1) получает конкретное руководство, связанное с определенными трудовыми действиями, включая задания, методы и т.д.; трудовые операции, как правило, часто подвергаются контролю; 2) получает общее руководство, связанное с трудовыми действиями; 3) получает только общие указания, касающиеся общих целей, имеет довольно широкий диапазон для определения методов составления графика работ, способов достижения целей и т.д.

IV. Оценка сложности труда на рабочем месте.

Экономическая оценка сложности труда на данном рабочем месте производилась косвенным образом через измерение затрат

на подготовку работников к исполнению данного труда, т.е. посредством измерения необходимого уровня образования работников (общее, среднее, высшее). Шкала строилась на основе признака «уровень образования на момент опроса». Известно, что экономическая оценка меры сложности труда на рабочем месте может быть проведена косвенным образом через измерение затрат на подготовку работников, способных исполнять труд данного уровня сложности, т.е. посредством измерения необходимого уровня образования и профессиональной подготовки. При межотраслевых и межрегиональных сравнениях такое сопоставление невозможно. Поэтому оценка сложности труда на рабочем месте может производиться путем оценки необходимого (требуемого) уровня образования. Можно предположить, что в настоящее время в среднем требуемый и реальный уровни образования работников соответствуют друг другу. Это дает возможность использовать усредненные параметры реального уровня образования как индикатор сложности труда представителей профессии (или группы профессий).

V. Социально-экономическая оценка:

1) высокая заработная плата, отдельная квартира (2 комнаты и более или отдельный дом с числом кв.м на 1 человека более 15); 2) высокая заработная плата, жилищные условия хуже, чем в группе I; 3) хорошая заработная плата, отдельная квартира с числом кв.м на I человека свыше 12; 4) хорошая заработная плата, жилищные условия хуже, чем в группе 3; 5) удовлетворительная заработная плата, отдельная квартира или несколько комнат с числом кв.м на одного человека свыше 9 кв.м; 6) удовлетворительная заработная плата, жилищные условия хуже, чем в группе 5; 7) низкая заработная плата, отдельная квартира или несколько комнат с числом кв.м на человека свыше 7, или одна комната с числом кв.м на 1 человека свыше 9; 8) низкая заработная плата, жилищные условия хуже, чем в группе 7.

Естественно, что использованное разбиение шкал на градации не является единственно возможным.

В связи с отсутствием в государственной статистике необходимых социальных данных в их взаимосвязи задача первоначально решалась на локальном материале специального обследования работающего населения нескольких городов России, в которых проводился представительный повторный опрос. Источником информации служило формализованное интервью, проводившееся по месту жительства респондентов. Получив экспертное отнесение конкретных профессий (должностей) к соответствующему пункту шкал по каждой из компонент характера труда, можно построить индекс харак-

тера труда. Этот показатель должен обладать сильной «разрешающей способностью», т.е. существенно отличные по данному критерию объекты (например, директора заводов и малоквалифицированные рабочие) должны размещаться в разных концах его шкалы.

Обозначим S1,S2,S3,S4,S5 — названные выше структурные компоненты характера труда. Тогда величину J=S1*S2*S3*S4*S5 можно назвать индексом характера труда (ИХТ). Подчеркнем, что в итоге получено размещение профессий (а не конкретных людей) по шкале одномерной интегральной оценки характера труда на основе измеримой «индексовой» переменной. Это размещение указывает на последовательность мест профессий по творческим возможностям труда, наличию властных полномочий и месту в системе распределения материальных благ, а также (косвенно) по престижу, в соответствии со сложившейся на данный момент в обществе оценкой.

Методологические и содержательные результаты локальных исследований, а также накопленные экспертные оценки конкретных профессий позволили разработать методику преобразования информации о профессиональной принадлежности респондентов, содержащейся в материалах всесоюзных переписей населения, в информацию об их принадлежности к группе, однородной по характеру труда. Суть этого преобразования состоит в построении стандартизованной социологической типологии, содержащей группы профессий, однородных по социальным характеристикам. Другими словами, необходимо установить правила экспертного отнесения всего многообразия существующих профессий к одному из социальных слоев на основе материалов государственной статистики. Важнейшее условие для создания подобной типологии — ее сопоставимость с группировками, используемыми государственной статистикой занятости населения.

При построении предлагаемой типологии нами в качестве стандартного списка был использован перечень занятий, разработанный ЦСУ СССР для Всесоюзных переписей населения и охватывавший практически все существовавшие тогда виды занятий (профессий) населения.

Процедура построения типологии состояла из двух основных операций. Первая — выделение групп профессий, родственных по функциональному содержанию труда. При этом учитывалось целевое назначение производимых благ и услуг (отраслевая принадлежность профессий), особенности технологии, типичный уровень механизации и условий труда и тому подобные технологические характеристики профессий.

Смысл второй (главной) операции состоял в экспертной оценке выделенных групп профессий по приведенным выше пяти компонентам характера труда. Оценка по первым трем компонентам проводилась на основе анализа информации, содержащейся в характеристиках профессий (должностей) в «Едином тарифно-квалификационном справочнике», «Квалификационном справочнике должностей служащих» и в «Общесоюзном классификаторе профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов». Данные о необходимом уровне образования и социально-экономической оценке получены частично из государственной статистики, частично из материалов проведенных нами локальных исследований. В результате экспертной оценки все профессионально-должностные категории занятых, представленные в «Классификации занятий населения для обработки материалов переписи населения», были разнесены по группам профессий, отождествленных нами по теоретическим основаниям и результатам локальных исследований с социальными слоями[46].

Ниже приведен список социальных слоев в российском обществе, полученный по результатам обработки Всесоюзных переписей населения 1970—1989 гг.

Социальные слои в российском обществе:

1. Колхозники и рабочие совхозов, занятые не- и малоквалифицированным трудом.
2. Колхозники и рабочие совхозов, занятые квалифицированным трудом.
3. Работники неквалифицированного физического и нефизического труда.
4. Работники квалифицированного преимущественно физического труда.
5. Работники высококвалифицированного труда, сочетающие физические и умственные функции; сюда же относятся неосвобожденные бригадиры промышленности и строительства.
6. Работники квалифицированного преимущественно нефизического труда (служащие), занятые на должностях, не требующих среднего специального образования.
7. Работники исполнительского преимущественно умственного труда, занятые на должностях, требующих среднего специального образования.
8. Работники умственного труда, занятые на должностях, требующих высшего образования.

---

[46] См.: Рабочий и инженер. Социальные факторы эффективности труда. Под ред. О.И. Шкаратана. М., 1985. Гл. I.

9. Работники высококвалифицированного умственного труда (научные работники, лица свободных профессий).

10. Руководители первичных трудовых коллективов (и небольших вторичных коллективов), освобожденные от исполнительских функций.

11. Руководители вторичных коллективов, руководители среднего звена государственного управления, а также общественных организаций.

12. Руководители государственных предприятий и организаций, высшего звена государственного и муниципального управления, общественных организаций.

Плодотворную и неустаревшую в новых условиях типологию социально-профессиональных групп советского общества детально проработали Л.А. Гордон и А.К. Назимова[47]. Они как и другие исследователи, вынуждены были преодолевать неполноту, бедность данных отечественной статистики. Для построения социально-профессиональной типологии занятий авторы использовали несколько параметров.

1. Сложность труда.

По их мнению, различия в сложности трудовых процессов в значительной степени предопределяют существование категорий профессий, различающихся характером трудовой деятельности, содержательностью, соотношением рутинных и творческих функций, что, в свою очередь, диктует различную профессиональную и общеобразовательную подготовку работников. Все это в конечном счете сказывается на образе жизни.

Используя значимые признаки сложности труда, авторы сначала выделяют профессии преимущественно физического и преимущественно нефизического труда; причем последний они подразделяют на профессии высококвалифицированного умственного труда, требующие специального высшего или среднего образования (инженеры, техники, учителя, врачи, научные работники), и профессии нефизического (относительно простого умственного) труда (например, чертежники, счетные работники).

2. Типы производства.

С учетом социально значимых аспектов Гордон и Назимова выделяют три технико-технологических типа производства: домашинный, доиндустриальный и раннеиндустриальный; развитый индустриальный или индустриально-конвейерный; научно-индустриальный. Отнесение профессии к данным типам более сложно, чем классификация занятий по сложности труда, — требуются специальные исследования.

[47] *Гордон Л.А., Назимова А.К.* Социально-профессиональная структура современного советского общества: типология и статистика // Рабочий класс и современный мир. 1983. № 2, 3; *Они же.* Рабочий класс СССР: тенденции и перспективы социально-экономического развития. М., 1985.

3. Степень механизации.

Степень механизации способна отразить связь различных занятий с типами производства для определенных профессий. Критерий может быть применен только к рабочим профессиям широко понимаемого промышленного характера. Авторы практически используют другой эмпирический индикатор — уровень механизации всего производственного процесса, в который включена преобладающая часть представителей той или иной профессии.

Объединив классификации профессий по сложности труда и степени его механизации, Гордон и Назимова получили двухмерную типологию промышленных профессий, которая, по их мнению, позволяет выделять профессиональные группы, различающиеся социальным и культурным обликом.

Переходя далее к реализации намерения построить социально-профессиональную типологию всей совокупности занятий активной части населения, авторы (основываясь на «общей направленности профессиональных перемен, порождаемых сменой технологических типов производства») конструируют следующие категории профессий, различающиеся материально-предметным содержанием труда:

1) профессии сельскохозяйственного труда;
2) профессии промышленного типа;
3) профессии информационного типа;
4) профессии обслуживания (сюда отнесены как работники сферы услуг, так и врачи, учителя и т.д.);
5) профессии занятых руководством людьми, организацией их деятельности.

Совмещение классификации профессий по материально-предметному содержанию труда с разбиением занятий по его сложности дает возможность «охватить всю совокупность социально-профессиональных делений». И авторы демонстрируют потенции своей типологии. Основываясь на опубликованных материалах Всесоюзных переписей населения 1939—1979 гг., Гордон и Назимова распределяют занятое население по теоретически сконструированным типажам, доведя долю занятых в классифицируемых профессиях среди всех учтенных переписями занятых до 87—92 %.

В странах Восточной Европы опыты построения типологии социальных слоев с опорой на социологическую классификацию профессий продолжались вплоть до середины 80-х годов. В этом отношении можно сослаться на работу польских социологов М. Похоски, К. Сломчински и Кр. Милчарек, которые на основе 367 конкретных профессий образовали 75 первичных, 29 вторичных и, наконец, 9 интегральных профессиональных групп. Последние могут быть интерпретированы как социальные слои[48]. Так была продолжена работа, начатая Стефаном Новаком и Влодзимержем Весоловским в начале 60-х годов.

В Венгрии подобную работу проделал Т. Калаши. Он создал типологию, строящуюся на показателях характера труда (руководящий и исполнительский умственный, исполнительский физический); уровня образования и квалификации; сферы занятости и т.д. В итоге им были выделены 11 социальных слоев в тогдашнем венгерском обществе[49].

5. СТАНОВЛЕНИЕ СТРАТИФИКАЦИОННОЙ ТЕОРИИ В ПЕРИОД РАСПАДА СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ

Гласность времен перестройки, а позднее и демократические свободы, ставшие повседневными после августовских событий 1991 г., двойственно сказались на отечественной социологии. Возможность писать, что угодно и где угодно, сопровождалась и прекращением бесплатного для авторов убыточной научной продукции издания их трудов, и исчезновением возможности проводить сбор информации практически беззатратно, с опорой на местную общественность. Государство дало не только свободу творчества, но и свободу самому сыскивать источники существования. В этих новых обстоятельствах активизировались не столько опытные и знающие профессионалы, сколько более приспособленные к рыночному принципу «Все на продажу». Начался ажиотаж халтурных, наспех проводимых опросов. Но все же, как и можно было предположить, преимущества не ограниченного цензурой и партийным прессингом творчества все больше стали сказываться и на качестве социолого-публицистических опусов (доминировавших в первые годы), и на характере собственно научной продукции.

С 1987 г. социологи обратились к раскрытию «тайны» советской бюрократии. Многие из них еще и не читали трудов таких диссидентов, как М. Восленский. Первой из подобных статей была получившая широкую известность работа В.Н. Шубкина[50]. Позднее своими размышлениями на тему бюрократии поделились многолетне опальные социологи во главе с Ю.А. Левадой. Причем их статью, что было весьма симптоматично, опубликовал теоретический орган КПСС журнал «Коммунист»[51].

В том же году была написана изданная несколько позднее статья Л.В. Карпинского, в которой автор подытожил ставшие широко распространенными мысли о нашей правящей элите. Приведем несколько выдержек: «Действительная тайна бюрократии заключена в том, что она является собственнической корпорацией.

Мы долго держались мнения, будто бюрократия нами только управляет, но делает это плохо, неэффективно. Фактически же она нас — всех живущих в обществе и занятых какой-либо деятельностью присваивает и делает это по-своему хорошо, мастерски, по-своему виртуозно, ... в сущности, он (бюрократ — *О.Ш.*) — ловкий, изворотливый, умелый предприниматель, энергично занятый своим бизнесом с помощью особых средств и во имя особого рода «прибыли».

... Наша бюрократия получила вместе с государством неограниченный доступ к управлению экономикой и культурой, проникнув буквально во все сферы человеческой деятельности.

... Собственность государства на средства производства, превращенная в групповую собственность на само государство ... вот фундаментальное основание бюрократии»[52].

Очевидно, что отсюда было недалеко до понимания сущности социальной природы советского общества, «секрета» его стратификации. Этот путь российские авторы проделали, к сожалению, без знакомства с трудами югославских коллег, бывших под строжайшим запретом для чтения; более того, даже критика их работ издавалась с грифом, запрещавшим свободное ознакомление с нею. Упомянем некоторые типичные суждения коллег из Югославии. Б. Хорват в книге «Политическая экономия социализма» (1982 г.) попытался

---

[48] *Похоски М., Сломчински К., Милчарек Кр.* Расширенная классификация профессий и возможности ее применения в социологических исследованиях//Информационный материал Проблемной комиссии Академий наук социалистических стран. Варшава, ПАН, 1975. С. 119—142.

[49] *Kolosi N.* Structural Groups and the Reform in Hungary. Paper presented at the XI-th World Congress of Sociology. New Delhi, 1986.

[50] *Шубкин В.* Бюрократия. Точка зрения социолога//Знамя. 1987, № 4.

[51] *Гудков Л., Левада Ю., Левинсон А., Седов Л.* Бюрократизм и бюрократия: необходимость уточнений//Коммунист. 1988. № 12.

[52] *Карпинский Л.* Бюрократия//Опыт словаря нового мышления. Под общей ред. Юрия Афанасьева и Марка Ферро. М., 1989. С. 360, 361, 367.

17–778

раскрыть природу советского этатистского (по его определению) общества. В этом обществе администраторы обладают той же властью, что и собственники при капитализме. Все внимание здесь обращено на усиление позиций власти. Идет процесс сверхразвития государственного аппарата. Вся политическая и экономическая власть сосредоточена в руках правящей политической организации[53].

Светозар Стоянович предложил следующее объяснение сущности советской системы и ее классового устроения: «Поскольку капитализм несомненно конституирует общественную ценность с экономической доминантой, то парадигмой, ему соответствующей, является общественно-экономическая формация. С другой стороны, коммунистический этатизм принадлежит к семейству общественно-политических формаций. Досталинистский, сталинистский и постсталинистский этатизм представляет собой общественную целостность с политическим доминированием (как диахроническим, так и синхроническим). Здесь политическое доминирование приобретает форму структурного контроля одного класса (этатистского) над государством и, при помощи этого, над средствами производства. Однако эта парадигма общественно-политической формации есть уже, несомненно, вывернутая наизнанку марксистская парадигма, или, скорее, парадигма постмарксистская»[54].

Вернемся на родную почву. Именно в конце 80-х — начале 90-х годов были предприняты попытки осмыслить природу уходящей социальной системы и особенности присущей ей социальной стратификации в контексте цивилизационного подхода и исторического опыта России.

В цикле статей Е. Старикова[55] был рассмотрен вопрос о двух основных типах возможного для России (в послеоктябрьский период) развития: 1) по западноевропейской модели, характеризуемой наличием независимых от государства субъектов собственности, развитым гражданским обществом и классовой структурой; 2) по модели со своеобразными «азиатскими» чертами, характеризуемой слиянием властно-политических отношений с отношениями собственности, превращением государства в верховного собственника средств производства, социальной структурой неклассового типа,

---

[53] *Horvat B.* The Political Economy of Socialism. A. Marxist Social Theory. N.Y., 1982.

[54] *Стоянович С.* От марксизма к постмарксизму//Вопр. философии. 1990. № 1. С. 148.

[55] *Стариков Е.* Новые элементы социальной структуры//Коммунист. 1990. № 5 и др.

«ибо классообразующие признаки ... как бы узурпируются, задаются всесильным государственным образованием».

По его мнению, в 1929 г. произошло отторжение западноевропейского пути развития. В отличие от авторов этой книги, Е. Стариков считает, что это предопределилось отходом от социализма, «при котором субъекты собственности находятся в рамках гражданского общества, а не всепроникающего государственного аппарата» (с. 30). Мы же полагаем, что слом собственнического демократического варианта развития произошел в связи с октябрьским переворотом и огосударствлением собственности в промышленности и других базовых отраслях экономики. Государственнический социализм в любом варианте (включая нэповский) противопоказан западноевропейскому пути развития.

Е. Стариков обосновывает социальную дифференциацию в советской системе различием позиций по отношению к распределительной системе: «Редистрибуция (перераспределение) служит структурообразующим основанием социальной дифференциации, рассекая все общество на две большие функциональные части: а) рядовые производители, создающие прибавочный продукт, и б) «распорядители, изымающие и включающие его в редистрибутивную сеть, выполняющую диспетчерские функции» (с. 31).

Интересны суждения этого автора о механизмах структурирования советского общества. В нем не действуют экономические классообразующие механизмы. «Их место занимают внеэкономические, административно-волевые механизмы, формирующие из ... аморфной магмы искусственные сословия и фукциональные распределительно-корпоративные структуры (ведомственные, региональные и т.п.). Рыхлая магма атомизированных индивидов сортируется по искуственным ячейкам» (с. 36).

В те же годы была предложена концепция стратификации советского общества как неклассового этакратического[56]. В следующей главе дано описание социальной иерархии обществ этого типа. Здесь мы ограничимся лишь заметками, характеризующими особенности этакратической системы в контексте цивилизационного подхода.

Все существующее ныне в мире разнообразие линий общественного развития в конечном счете основывается на различиях двух доминирующих типов цивилизации, которые условно можно

---

[56] См., в частности: *Ионин Л., Шкаратан О.* Паркинсон и бюрократы. Послесловие//Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона. Сб. Перев. с англ. М., 1989. С. 426—447.; *Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Власть и собственность//СОЦИС. 1991. № 1; *Radaev V., Shkaratan O.* Power and Property — Evidence from the Soviet Experience// International Sociology. 1992. No. 3 и др.

именовать «европейским» и «азиатским». Первый характеризуется частной собственностью, балансом отношений «гражданское общество — государственные институты», развитой личностью и приоритетом ценностей индивидуализма. Второй тип исторически связан с азиатскими деспотиями, доминированием государственной собственности, всевластием государственных институциональных структур при отсутствии гражданского общества, приоритетом общинных ценностей при подавлении индивидуальности.

Россия по своей истории и географии столетиями являлась евразийским обществом, то стремившимся сблизиться с европейскими соседями, то тяготевшим по всему строю жизни к азиатскому миру. Двойственность сложившихся тенденций развития страны объясняет, почему именно в России на собственной национальной почве победил не привнесенный извне режим, который сломил буржуазное, собственническое общество, складывавшееся в стране, и привел к торжеству азиатской линии развития. Однако это не удалось выполнить в полной мере потому, что Россия по своему психолого-историческому положению гораздо ближе к Западу, чем, скажем, Китай или Индия.

Этакратизм можно рассматривать и как самостоятельную социально-экономическую систему в цивилизационной дихотомии «Запад-Восток», и как одну из форм модернизации (индустриализации) стран неевропейского культурного ареала. Первооснову этакратического бесклассового общества составляют следующие характеристики:

обособление собственности как функции власти, доминирование отношений типа «власть-собственность»;

преобладание государственной собственности, процесс постоянного углубления огосударствления;

государственно-монополистический способ производства;

доминирование централизованного распределения;

зависимость развития технологий от внешних стимулов (технологическая стагнация);

милитаризация экономики;

сословно-слоевая стратификация иерархического типа, в которой позиции индивидов и социальных групп определяются их местом в структуре государственной власти или, что идентично, степенью близости к источникам централизованного распределения;

социальная мобильность, как организуемая сверху селекция наиболее послушных и преданных системе людей;

отсутствие гражданского общества, правового государства и, соответственно, наличие системы подданства, партократии;

имперский полиэтнический тип национально-государственного устройства, фиксация этнической принадлежности как статуса (при определении ее «по крови», а не по культуре или самосознанию).

Сходные позиции (с учетом специфических черт исторического пути Венгрии) занял Мартин Сабо. Он отмечал, что «теперь лишь немногие продолжают утверждать, что в странах Центральной и Восточной Европы существовал социализм, т.е. тот исторический строй, который в первозданном значении этого слова и в духе целей левых движений был призван разрешить противоречия капиталистических отношений и создать общество с более высоким уровнем культуры и цивилизации».

По его мнению, определяющим фактором венгерской истории XX века была двойственность структуры, т.е. наличие как феодальных, так и буржуазных отношений. В этом смысле не стал исключением и ход событий после 1945 г. За кратким периодом буржуазно-демократических преобразований в 1945—1947 гг. последовал консервативно-реакционный поворот, положивший начало процессу рефеодализации, названному социалистическим развитием. В ходе его воспроизводилась прежняя двойственная структура. В качестве важнейшего элемента рефеодализации здесь выступал формализованный властный механизм, т.е. существовавший как господствующее сословие властный аппарат и управляемые им «социалистические подструктуры». Однако реальный социализм не просто воспроизводил прежнюю двойственную структуру. Он последовательно и открыто подавлял буржуазные элементы, что усилило докапиталистические, сословно-феодальные компоненты и придало им новую историческую форму.

Мартин Сабо заключает: «Разумеется, я не утверждаю, что социализм был феодализмом. Но несомненно, что специфика функционирования этой системы состояла в том, что в ней превалировали сословно-феодальные черты, а в другой связи — азиатско-византийские, т.е. черты предшествовавших современным культур. Таким образом, социализм в его различных вариантах ответил на вызов XX столетия возрождением прошлого»[57].

С оценкой стратификации советского общества как сословно-статусного решительно не соглашается М.С. Комаров. Он считает, что это общество «не было ни азиатским, ни деспотическим, ни закрытым. В нем были достаточно сильны тенденции к социальной мобильности, а статусные позиции приписывались отнюдь не жестко. Преувеличение степени жесткости проистекает скорее из

---

[57] *Сабо М.* Социалистическая «рефеодализация»//Венгерский меридиан. 1991. № 1. С. 51—52.

увлечения авторов историческими аналогиями и дедуцирования социальной структуры из властных отношений». Комаров отмечает, что авторы дистрибутивной и этакратической моделей, к сожалению, не обратили внимание на существенную роль в социальной дифференциации ряда факторов. Первый из них — объективные требования экономики, которые понуждают институты власти и в тоталитарном обществе «мотивировать людей к нормальной трудовой деятельности только через упорядоченную систему вознаграждений и привилегий». Второй фактор — такой критерий стратификации, как престиж. Он не менее важен чем власть и собственность. Наконец, третий фактор — «присущие современному индустриальному обществу» такие критерии стратификации, как профессионально-трудовая деятельность, объем и уровень образования[58]. Перечисленные М.С. Комаровым факторы, конечно же, учитывались авторами обеих концепций. Вопрос лишь в том, «работали», а если «работали», то как именно, эти факторы в обществах «реального социализма».

Большим вкладом в осмысление природы стратификации обществ советского типа явились труды Т.И. Заславской и Р.В. Рывкиной. Особенно следует отметить их монографию «Социология экономической жизни» (разд. 3)[59]. Авторы стремились дать анализ «социальной структуры общества в ее связи с экономической жизнью общества» (с. 230), определить социальные группы, являющиеся наиболее важными субъектами экономики, занимающие в ней ключевые позиции.

Ими (в связи с поставленной задачей) были выделены пять основных компонент экономических отношений: 1) сущностные, системообразующие отношения, оказывающие воздействие на все стадии воспроизводства; 2) отношения производства; 3) отношения обмена; 4) отношения распределения; 5) отношения потребления общественного продукта. При раскрытии конкретного содержания каждой из этих групп отбирались лишь те отношения, которые оказывают существенное влияние на структуру общества, дифференцируют социальный статус разных субъектов.

Вслед за этим Заславская и Рывкина рассматривают структуру взаимодействующих по поводу этих отношений социальных групп. Проанализировав частные структуры, формируемые конкретными типами субъектов экономических отношений (социально-трудовую, семейно-хозяйственную, социально-территориальную, этнодемографическую), авторы теоретически и эмпирически обосновывают определяющее значение профессионально-должностной подструктуры по сравнению с другими.

[58] *Комаров М.С.* Социальная стратификация и социальная структура//СОЦИС. 1992. № 7. С. 62—72.

[59] *Заславская Т.И., Рывкина Р.В.* Социология экономической жизни. Очерки теории. Новосибирск, 1991.

Полученная Заславской и Рывкиной детальная дифференциация советского общества на его излете состоит из 78 групп. Такое подробное структурирование позволяет во всем богатстве связей, статусов, ценностных ориентаций разобраться в жизни уходящего в прошлое социального организма. Но авторы хорошо сознавали, что читатель ждет от них более обобщенной, более контрастной картины социальной стратификации.

В самой книге в этом отношении особенно интересна попытка разобраться в механизме эксплуатации высшими низших. Они взорвали существовавшее до тех пор табу на изучение отношений эксплуатации («общество без эксплуататорских классов»). Заславская и Рывкина раскрывают отношения эксплуатации как: 1) изъятие всего прибавочного и части необходимого продукта через неравномерно низкие цены на производственную продукцию и необоснованно высокие налоги; 2) глубокое расхождение меры труда и меры потребления различных групп работников общественного производства; 3) необоснованную неравномерность территориального и ведомственного распределения элементов социально-бытовой инфраструктуры; 4) присвоение дифференцированной ренты I жителями южных районов; 5) преступные способы извлечения нетрудовых доходов за счет граждан или государства («теневая экономика», мафиозные группы). Список этот, конечно же, неполный, но первый в литературе, издававшейся в самой России.

Интегральный, стратификационно выпуклый перечень социальных групп, отражающий эти латентные отношения эксплуатации, был опубликован Т.И. Заславской несколько позднее. Она отнесла к главным структурным элементам советского общества: а) социально-замкнутый и личностно интегрированный правящий класс «номенклатуры»; б) сравнительно небольшой средний класс, включающий «директорский корпус» и наиболее квалифицированных и(или) приближенных к номенклатуре интеллигентов; в) слабо стратифицированный низший класс, объединяющий наемных работников (рабочих, колхозников, представителей интеллигенции средней и низшей квалификации); г) «социальное дно», состоящее из десоциализированных, потенциально криминогенных групп, утративших связи с обществом. Главными особенностями этой стратификации являлись: весьма высокая концентрация власти и собственности в руках правящего класса; резкая поляризация положения высших и низших слоев общества на фоне

общего низкого уровня жизни; неразвитость (если не отсутствие) среднего слоя, а также доминирование должностного критерия стратификации над квалификационным.

Структура советского общества формировалась по принципу: «кто был ничем, тот станет всем». Оставшиеся семьи научной и культурной элиты, дворян, духовенства, купечества, промышленников, крепких крестьян, концентрировавшие главный энергетический и творческий потенциал общества, были последовательно «выкорчеваны» и истреблены. В итоге в стране сформировалось «общество низшего класса» с пониженной долей талантливых, образованных, здоровых, сильных, предприимчивых и энергичных граждан. К тому же общественная система социализма содействовала укреплению худших черт традиционной российской общинности: уравнительности, иждивенчества, социальной пассивности, безответственности, слабой мотивированности к труду и предпринимательству, неразвитости потребностей[60].

Совершенно неожиданный подход к анализу природы обществ советского типа с присущей им стратификацией предложен В.М.Воронковым в статье «Эволюция правящей элиты в период перехода к демократии»[61]. Он справедливо отмечает, что факты реальной трансформации номенклатуры в период перехода к демократии требуют внести серьезные коррективы в сложившиеся представления об отсутствии в тоталитарном обществе внутренних резервов для качественных преобразований. М. Джилас, М.Восленский, А.Авторханов и другие утверждали, что в советском обществе нет социальных групп (включая контрэлиты), способных стать могильщиками системы. Сама же номенклатура, согласно их позиции, достаточно однородна и ориентирована на сохранение существующих порядков.

В.М. Воронков показывает, напротив, неоднородность советской элиты, раскрывает ее иерархическую структуру («...самые низшие ее ступени значительно ближе к народу, чем к своим же верхним ступеням»). На границах номенклатуры образуется «специфический маргинальный социальный слой, который ... может быть назван «номенклатурным плебейством». Это несостоявшаяся (или не вполне состоявшаяся) номенклатура, ее «низы», ее «маргиналы». Именно это «плебейство» — политически наиболее активная часть общества, свободная и от корпоративной замкнутости номенклатуры, и от традиционной покорности начальству, присущей большинству населения. Это и есть социальный движитель, организатор народного протеста, потенциальный актив возникающих при появившихся условиях («перестройка») общественных движений и политических партий. Конечно, предположение о существовании и роли номенклатурного плебейства требует тщательной эмпирической проверки, но эта интересная гипотеза вполне заслуживает серьезных усилий по ее подтверждению (или опровержению).

[60] *Заславская Т.И.* Трансформация российского общества как предмет мониторинга//Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. 1993. № 2. С. 3—4.

[61] См. Социально-стратификационные процессы в современном обществе. Кн. 2. М., ИС РАН, 1993. С. 162—182.

Более поздние публикации в основном связаны с теоретическим и эмпирическим анализом переходного состояния системы стратификационной иерархии в России после начала буржуазно-либеральных реформ (1992 г.). Они рассматриваются в гл. 12.

Глава 11

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В СОВЕТСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Теперь мы переходим к основаниям социальной стратификации российского общества. Сначала рассмотрим принципиальные основы, на которых строилась социальная структура советского общества до начала реформ второй половины 1980-х годов.

I. ХАРАКТЕР СТРАТИФИКАЦИОННЫХ ИЕРАРХИЙ В ОБЩЕСТВЕ СОВЕТСКОГО ТИПА.

Бесклассовая система

Отличить, в каких пунктах социальные науки «отражают», а в каких «конструируют» общественную реальность, в принципе нелегкая, если вообще посильная, задача. Особенность же официального советского обществоведения заключается в том, что реальность во многом «конструируется» по заказу и под придирчивым контролем политических властей. Многочисленные исследования социальной структуры ведутся в стесняющих рамках специфической «классовой» модели, условно обозначаемой «2+1» — модели «двух дружественных классов и одной прослойки», где под классами подразумеваются рабочий класс и колхозно-кооператив-

ное крестьянство, а в качестве прослойки выступает «народная интеллигенция» — крайне гетерогенная совокупность групп, в которой Председатель Совета Министров смешивается с низшим конторским служащим. Мы не станем подробно описывать все противоречия модели «2+1» и то, как она работала на сокрытие процессов социальной дифференциации. Все это уже подвергнуто широкой критике. Обратим внимание на другое: несмотря на видимое сохранение приверженности марксизму, эта модель уже не является классовой с той же марксистской точки зрения.

Во-первых, различия в отношениях собственности между двумя классами является скорее формальностью. Сами же советские идеологи считают колхозно-кооперативную собственность производной, подчиненной формой и предрекают ее скорое слияние с «общенародной» собственностью (а реально это слияние весьма успешно осуществлено уже при советском строе). Во-вторых, ортодоксальный марксизм представляет одну из наиболее ярких версий теории социального конфликта, в которой класс определяется как крупная социальная группа, реально противостоящая по своему положению и интересам другим подобным группам. Что же касается советского общества, то в нем отсутствует всякое сколь-либо серьезное противостояние групповых интересов. Это утверждается той же официальной идеологией. Но и в действительности с начала 1930-х годов, за редкими исключениями, уже не возникает крупных социальных конфликтов, направленных против основ советской системы и выраженных в активно проявляемых и организованных формах социального сопротивления. Так что советская «классовая» идеология на деле игнорирует два основополагающих положения марксистской теории классов.

Наш первый вывод таков: *система советского типа принципиально является обществом без классов*, если под классами понимаются реальные (а не просто статистические) группы. В советский период мы наблюдаем постепенную *деструктуризацию* классов, а вместе с ними и многих других реальных профессиональных и политических групп, которая проявляется, в свою очередь, в трех процессах: ликвидации дореволюционных классов, атомизации общества и нарастании процессов социальной маргинализации.

Ликвидация (или, по крайней мере, подрыв условий воспроизводства) дореволюционных классов начинается сразу после захвата власти большевиками с экспроприации крупных собственников (землевладельческих и торгово-промышленных групп), а со временем распространяется на большую часть мелких и средних независимых производителей. Крестьянство, составлявшее в начале века значительное большинство населения, в ходе насильственной коллективизации отчуждается от земли, от традиционных способов хозяйственной организации и утрачивает, таким образом, свою социальную сущность. Старая дореволюционная интеллигенция вместе с тонкой прослойкой высококвалифицированных рабочих лишаются своего сравнительно высокого социального положения и привилегированных условий для воспроизводства профессиональных и культурных ценностей. Конфликт с дореволюционными классами решается насильственными средствами, в том числе, и путем массовых репрессий.

За этим процессом следует прогрессирующая *атомизация* общества. В результате уничтожения частной собственности и огосударствления основных социальных институтов удается деформировать, не допускать укрепления многих социально значимых независимых горизонтальных связей между индивидуальными субъектами, а также всех действительно добровольных негосударственных общественных, хозяйственных и политических организаций, способных открыто защищать интересы своих членов. По крайней мере, публичное выражение таких частных интересов становится невозможным. В своей социальной жизни человек оказывается беспомощным перед лицом партийно-государственной машины, узурпирующей основную массу материальных и символических ресурсов. Мощь этой машины используется прежде всего для подрыва основ возможной консолидации каких-либо самостоятельных общественных сил. Общество превращается в совокупность статистических групп. Исключение составляют правящие слои, сплоченные номенклатурной организацией и артикулированной общностью групповых интересов. Остальная часть общества советского типа пребывает в аморфном состоянии. И большую часть его населения справедливо будет именовать «массами».

Созданное аморфное общество бесконфликтно. Хотя и гармоничным его не назовешь. Оно вообще вне дихотомии: «конфликт — консенсус», в нем слишком слабо выражены социальные интересы.

Третий процесс заключается в растущей *маргинализации* многих социальных групп. («Маргинальность» понимается нами в данном случае не как обитание на социальном «дне», но как устойчивое социально обусловленное расхождение между социо-культурным происхождением и нынешним общественным положением групп). Дети крестьян, продвинутые на руководящие государственные посты, первые поколения «народной интеллигенции» — идеологизированные интеллектуалы, зависимые от партийной бюрократии; безземельные «крестьяне», рассматриваемые как поденщики на государственной службе; массы неквалифицирован-

ных рабочих с доиндустриальной психологией, оказавшиеся под гнетом полувоенной дисциплины в промышленности; переселенные за тысячу верст от родных мест этнические коммуны — все это разнообразные примеры маргинальности — принципиальной черты социальной структуры общества советского типа. Существенная причина этого явления видится в последовательной партийно-государственной политике регулируемой (в том числе, принудительной) вертикальной и горизонтальной социальной мобильности, нацеленной, как прокламируется, на форсированное построение социально однородного общества.

Таким образом, апологетическая и идеологизированная формула социально однородного (бесклассового) общества на самом деле воплощается в жизнь (хотя и в совсем ином смысле, нежели в ортодоксальных писаниях) задолго до того, как была провозглашена властями, объявививившими о построении «развитого социализма». Вот почему для анализа социальной стратификации в обществе советского типа необходимы другие, менее традиционные для нас аналитические инструменты.

Этакратическая система

Какие же критерии следует избрать для анализа стратификации в обществе советского типа? В советских соцструктурных исследованиях обычно для этой цели используются социально-профессиональные группировки, основанные на таких критериях, как уровень образования и квалификации, содержание труда и соответствующие различия в доходах. Заметим, что социально-профессиональное деление — традиционный отправной пункт для большинства не только советских, но и западных стратификационных исследований. Однако это деление само по себе редко является достаточным. Например, по чисто профессиональному составу мы должны зачислить всех ученых-гуманитариев в единую категорию «научных работников», не делая различий между младшим научным сотрудником и заведующим отделом Института, преподавателем вуза и консультантом ЦК КПСС. Между тем, каждый из них представляет отдельный социальный слой.

Если критерий отношения к собственности лишается смысла, а социально-профессиональные группировки недостаточны, встает вопрос: в чем состоит реальная основа статуса социальных групп в обществе советского типа? Уровень образования, профессиональное положение, материальная обеспеченность — все эти факторы здесь не более чем вторичны. Основным же критерием социальной стратификации становится *распределение власти*, понимаемой

в веберовском смысле — как способность социального субъекта (индивида, группы) осуществлять свои интересы безотносительно к интересам других социальных субъектов[1]. Власть означает:

- право вырабатывать и выдвигать цели развития;
- особые позиции в распределении ресурсов, готовой продукции, доходов;
- контроль за доступом к информации как особому ресурсу;
- возможность запрещать те или иные виды деятельности и диктовать правила этой деятельности;
- способность оказывать личное влияние на людей и события.

В структуре власти ключевое место, как правило, принадлежит позициям в распределении ресурсов. Право контролировать и перераспределять финансовые и материальные средства, рабочую силу и информацию — ключ к воспроизводству отношений субординации.

Способы формирования властных структур составляют основу любого общества. Специфика системы советского типа заключается в том, что здесь каркас стратификационной структуры образуют структуры государственной власти, распространяющейся на подавляющую часть материальных, трудовых и информационных ресурсов. Мы уже указывали на принципиальную роль этакратической системы в стратификации советского общества, пронизанного политическим и административным контролем.

Сказанное легко проследить на примере экономики. Непосредственные производители, лишенные собственности на средства производства, оторванные от реального потребительского спроса и от источников достоверной информации, становятся объектами административного манипулирования. Оно осуществляется по каналам неформального ведомственного законотворчества в формах директивного планирования, различного рода инструкций и указаний. Основная часть доходов перераспределяется через систему дифференцированных цен, налогов и платежей. И даже ресурсы, остающиеся в распоряжении производителя, могут использоваться лишь в соответствии с установленными свыше нормами.

Бытует мнение, что правящие слои не обладают реальной властью, ибо неспособны эффективно управлять общественными процессами. Но не следует смешивать понятия действенной власти и эффективного управления. *Управление* есть способность добивать-

[1] *Weber M.* The Theory of Social and Economic Organization. N.Y., 1947. P. 152.

ся рациональных результатов путем согласования различных интересов. *Власть* же принципиально шире. Она включает в себя право распределять и тратить ресурсы, начинать и прекращать ту или иную деятельность, невзирая на конечную эффективность принятых решений. В обществе советского типа носители власти сплошь и рядом действуют малоэффективно с экономической точки зрения, ибо руководствуются в первую очередь внеэкономическими целями — целями воспроизводства собственных властных позиций. Там, где собственность и право подавлены государственной властью, не действуют экономические законы как таковые. Ни один министр или директор предприятия не принимает решений как субъект, движимый чисто экономическими стимулами. И ни один не является слугой закона как такового.

Итак, в обществе советского типа все прочие типы стратификационных систем по сравнению с этакратическим типом занимают подчиненное положение. Последний же реализуется посредством утверждения системы формальных рангов.

Ранговая система

Власть как социальное отношение трудно поддается формализации. Однако, существуют все же косвенные признаки, позволяющие «ухватить» эти властные отношения на «входе» и «выходе». К такого рода косвенным признакам в обществе советского типа относятся формальные Ранги и сопряженные с ними Привилегии.

Советская система — это ранговая система. И положение каждого индивида определяется здесь в первую очередь его формальными *рангами* — утвержденными высшими властями местами в общественной иерархии. Признаки ранговой системы сравнительно легко обнаруживаются на поверхности при любом соприкосновении с бюрократическим миром. Они содержатся в каждой анкете, которую заполняет советский человек при приеме на работу, выезде за границу или получении каких-то особо дефицитных благ.

Эта непрекращающаяся формальная стратификация проводится не только в интересах статистического учета и административного контроля за движением рабочей силы. Ранжирование служит элементом довольно жесткой социально-дифференцирующей политики. Присвоение формальных рангов в значительной степени предопределяет шансы конкретных групп обрести более или менее влиятельное общественное положение.

И чем выше привлекательность позиций, тем большую роль играют формальные ранги.

Формальных рангов целое множество. Они делятся на унаследованные (ascriptive) и приобретенные (achieved), персональные и корпоративные. К приобретенным персональным рангам относятся:

• Трудовой путь (общий стаж работы, труд в качестве простого рабочего, работа на ответственных должностях, «чистота» послужного списка);
• Профессиональные данные (полученные специальности, рабочие разряды, образовательные дипломы, ученые звания);
• Должностное положение;
• Место постоянного жительства (например, наличие прописки в столичном городе);
• Социальные титулы (членство в партии, партийно-правительственные награды и почетные звания, работа в выборных органах советской власти и так называемых общественных организаций).

В отличие от персональных рангов, приобретенный корпоративный ранг фиксируется местом работы или категорией учреждения (например, государственные организации ставятся выше негосударственных, управленческие органы выше первичных организаций, оборонные отрасли выше гражданских, промышленность выше сельского хозяйства и т.д.).

Получению более высоких приобретенных рангов способствуют вовлекаемые в стратификационную систему унаследованные ранги. К ним относятся:

• Пол (мужчины в среднем имеют больше шансов занять высокую позицию, чем женщины);
• Возраст (определенные позиции принципиально недоступны для молодых поколений);
• Национальность (русские и титульные национальности в республиках стоят выше всех прочих национальностей);
• Социальное происхождение (формально чем ниже, тем лучше).

В данной системе множество черт явно дискриминационного характера, достигаемых хотя и полузаконными, но прочно утвердившимися методами. (Так, ни в каких законах, конечно, нет запрета на занятие определенных должностей евреями или беспартийными, хотя реально ограничения соблюдаются).

Вариант иерархической модели, построенной преимущественно на базе социально-профессиональных рангов, см. в схеме 1.

Схема 1. **Основные страты советского общества**

1. Политическое руководство 2. Высшие функционеры и управленцы а) партийные функционеры б) государственные чиновники в) руководство армии, МВД и КГБ г) директора и руководители крупных госпредприятий и учреждений	Правящие слои
3. Руководители и функционеры среднего и низшего уровня	Передаточные слои
4. Специалисты без руководящих должностей 5. Квалифицированные рабочие 6. Низшие служащие 7. Рабочие средней и низкой квалификации	Исполнительские слои
8. Учащиеся, пенсионеры и т.д.	«Иждивенцы»
9. Деклассированные элементы, люмпены, безработные 10. Заключенные, рядовые срочной армейской службы	«Парии»

Эта схема построена на базе социально-профессиональных групп и не включает такие дополнительные стратифицирующие признаки как сфера деятельности, место жительства и др.[2]

Власть и сама по себе является важным стимулом социального действия. Но причастность к власти обеспечивает также множество иных благ: материальные выгоды, элитарное образование, благоприятные условия труда, высокий социальный престиж.

В системе властных отношений использование денежных измерителей для сравнительной оценки социально-экономического положения индивидов и групп вызывает явные затруднения. Например, партийный функционер влияет на ход хозяйственной жизни, не будучи собственником средств производства и даже не являясь формально экономическим субъектом. Его потребительские возможности также лишь в малой степени определяются денежным окладом. Основная часть получаемых благ поступает к нему совсем из другого источника — через систему привилегий. *Привилегия* есть исключительное право социального субъекта, узаконенное правовой нормой или обычаем, получать вознаграждения, обладающие ограниченной доступностью.

---

[2] *Радаев В.В.* Властная стратификация в системе советского типа // Рубеж. 1991. 1. С. 134.

По весьма распространенному, но, боюсь, ошибочному мнению, привилегиями располагают только высшие чиновники. Это мнение проявляется в лозунгах популистского антибюрократического общественного движения. Но по сути дела привилегии представляют собой базовый способ распределения благ фактически для всех. Что, разумеется, не свидетельствует в пользу социального равенства, ибо принцип единый, а привилегии разные. Что же касается их характера и масштабов, то они зависят от принадлежности к конкретным корпорациям.

Корпоративная система

Атомизация общества не означает, что отдельный человек сохраняет независимость или брошен на произвол судьбы. Напротив, он насильственно включается в целую сеть огосударствленных институтов корпоративного типа. Под *корпорацией* мы в данном случае понимаем иерархически организованную и относительно замкнутую организацию, созданную с целью выражения и отстаивания коллективных интересов. В обществе советского типа, если пользоваться терминами Дж.Коулмена, влияние «естественных» лиц трансформировалось во влияние корпоративных субъектов. Социальные функции и ресурсы находятся в распоряжении корпораций, а не просто групп индивидов[2].

Индивиды в основном действуют в интересах корпораций, к которым они принадлежат. А личное влияние и престиж каждого человека в значительной мере определяется властью его корпорации.

Вовлечение индивидов в корпоративные институты становится всеобщим процессом. Работа на государственных предприятиях и в учреждениях является для большинства единственным способом найти свое место в социуме и обеспечить стабильные источники существования[3].

В итоге отношения между социальными группами заменяются во многом взаимодействием корпоративных субъектов. И рядом со стратификацией номинальных социальных групп возникает стратификация корпоративных институтов. Главным вопросом ста-

---

[2] *Coleman J.S.* Power and the Structure of Society. N.Y., 1974. P. 27—37.
[3] *Feher F.* et al. Dictatorship over needs. Oxford, 1983. P. 117.

18-778

новится не «Кто ты?», а «Где ты работаешь?», «Какое учреждение представляешь?».

Корпоративная система как способ институциализации и воспроизводства властных отношений предстает как совокупность перекрещивающихся иерархий, в которых соблюдается принцип вертикального подчинения, а высшие по рангу институты обычно выступают по отношению к нижестоящим в качестве монопольных распорядителей ресурсов. В советском обществе выстраиваются четыре основных типа корпоративных иерархий:

— Структура партийных органов: от Политбюро ЦК КПСС и самого ЦК до обкомов и райкомов и далее, до первичных парторганизаций;

— Структура административно-хозяйственных органов: от правительства, отраслевых министерств и госкомитетов до производственных обьединений и предприятий;

— Структура Советов народных депутатов и их исполкомов;

— Структура официально утвержденных общественных организаций: профсоюзы, комсомол, творческие союзы и т.д.

В результате перекрещивания (взаимного наложения) этих иерархий каждое учреждение, является обьектом совместного контроля со стороны партийных и административных органов, советских и общественных организаций. При этом роль ведущей интегрирующей силы принадлежит партийным органам. Концентрация власти на верхних уровнях не означает, что высшие корпорации контролируют все нижестоящие звенья. Они могут управлять теми, кто им подчинен непосредственно, а последние в свою очередь распоряжаются на более низких уровнях. В результате складывается нечто вроде средневековой вассальной системы. И все общество в целом превращается в огромную разветвленную корпорацию.

Итак, если для подавляющего большинства населения доступ к социальным и экономическим благам открывается в основном через их принадлежность к различным корпоративным институтам, а базовой формой вознаграждения становится привилегия, то основная масса привилегий распределяется в виде так называемых сопутствующих льгот (fringe benefits или perks of job), предоставляемых в силу самой причастности к данной корпорации. По сравнению с западными обществами, где сопутствующие льготы также имеют место, в обществе советского типа система этих льгот куда более развита. И перечень их весьма обширен.

Начнем с денежных форм оплаты труда. По характеру они существенно отличаются от рыночных доходов, ибо находятся

в жесткой зависимости не только от должности, но и от категории предприятия (учреждения). Это может казаться не столь очевидным, но денежные доходы во многом превращаются в привилегии.

Но часто даже большее значение по сравнению с оплатой труда имеют источники дополнительных благ (денежных и натуральных), и в их числе: выплаты из фонда социального развития предприятия (бесплатные услуги, так называемая материальная помощь, беспроцентные займы и т.д.); зарубежные командировки, путевки в санатории и заграничные турпоездки (особенно за счет предприятия, его профсоюзной организации). Сюда же относится сеть бесплатных услуг — ведомственные больницы и детские сады, столовые и библиотеки, личные машины с шоферами для начальства и бесплатный проезд в общественном транспорте для рядовых работников некоторых отраслей и т.п.

В условиях нарастающего дефицита продуктов и ограниченности покупательной способности денег недостающие товары и услуги распределяются через ведомственные магазины, продовольственные заказы, закрытые распродажи (в том числе и продукции «своих» предприятий, иногда с весомой скидкой в цене). По предприятиям и учреждениям распределяются земля (садово-огородные, дачные участки) и предметы длительного пользования (автомашины, мебель, телевизоры и т.д.).

Наиболее дефицитным и желанным благом в советской России всегда было хорошее жилье. Получение жилья через предприятие или учреждение в соответствии со своим формальным рангом — без преувеличения, важнейший вид привилегии.

С формальным рангом связаны также жесткость ограничений, накладываемых на трудовую деятельность — например, разрешение строго определенным профессиональным категориям оплачиваемой работы по совместительству.

Формальный статус влияет почти на все аспекты социальной конкурентоспособности индивидов. Люди, обладающие высоким рангом, имеют массу необъявленных, но бесспорных преимуществ. Например, они с успехом протежируют собственным детям, обеспечивая их обучение в лучших школах и университетах, имеют лучшее медицинское обслуживание, более качественные потребительские товары.

Итак, основная масса привилегий обеспечивается в зависимости от места работы индивида и его профессионально-должностного статуса. Именно сопутствующие льготы в сильной степени определяют подлинную сравнительную ценность и привлекательность рабочих мест. Они являются особой социальной рентой, гаранти-

рованной местом в корпоративной и ранговой системах. Вознаграждение работников одной и той же категории, занятых на разных предприятиях, различается также, как и вознаграждение работников разных категорий на одном и том же предприятии. Так, инженер, работающий на крупном предприятии оборонной промышленности, получает заметно большие вознаграждения, чем такой же инженер на небольшом предприятии в легкой промышленности. Но при этом каждый из них получает значительно меньше, чем директор его завода.

При всем своем многообразии распределение благ в форме привилегий (сопутствующих льгот) образует целостную систему дифференцированного обеспечения базовых социальных нужд основных слоев населения. Конечно, секретарь обкома имеет в своем распоряжении несравненно больше благ, чем обычный бухгалтер. Но механизм распределения в принципе один и тот же.

Общая модель признаков власти в обществе советского типа представлена на Схеме 2:

Схема 2

КОРПОРАТИВНЫЙ РАНГ ┐
ПЕРСОНАЛЬНЫЙ РАНГ ┘ → **ВЛАСТЬ** → **ПРИВИЛЕГИИ**

Именно по формальным рангам и характеру привилегий мы определяем сравнительные позиции того или иного социального слоя.

Система распределения благ «по учреждениям» во многом вытесняет и заменяет обычную рыночную торговлю. Этому способствует и хронический дефицит множества материальных благ, требующий особых механизмов социального самообеспечения. Одним из таких распределительных механизмов служит карточная система — рационирование товаров для постоянных жителей данной территории. Но она все же носит эгалитарный характер. В отличие от нее, корпоративное рационирование выступает как инструмент стратифицирующей политики.

В заключение описания корпоративной системы следует сказать несколько слов о принципах расслоения внутри корпораций. Несмотря на их внешнее разнообразие, в каждой из них можно выделить три основных слоя:

1. Управляющий слой.
2. Слой полноправных исполнителей.
3. Слой депривилегированных исполнителей.

Главной фигурой в управлении является директор предприятия (учреждения). Он опирается на административно-управленческий персонал, а также на подобранное руководство партийной, профсоюзной, комсомольской организаций. Этой группе обеспечиваются лучшие условия труда и более высокий жизненный уровень. Эти люди обычно стоят первыми в очереди при распределении дефицитных благ.

Большинство постоянно работающих рядовых исполнителей можно рассматривать как полноправных членов соответствующей корпорации. Чтобы располагать всеми сопутствующими льготами, которые корпорация предоставляет рядовому исполнителю, последний должен отвечать трем обязательным условиям:

а) иметь определенный стаж постоянной работы в корпорации;

б) проявлять послушание и личную лояльность по отношению к руководству;

в) проявлять политическую лояльность по отношению к советскому режиму в целом.

Те, кто не удовлетворяют какому-либо из названных выше условий, образуют прослойку депривилегированных исполнителей, лишенных в той или иной степени обычных прав, предоставляемых всем рядовым членам данной корпорации. В эту группу входят ученики, работники занятые временно или по совместительству, а также нанятые на работу деклассированные элементы, утратившие квалификацию, не имеющие паспорта или прописки в данной местности. Фактически в такое же положение могут быть поставлены постоянные работники, выражающие политическую нелояльность или нелояльность по отношению к непосредственному начальству. В лучшем случае, их обходят своим вниманием.

Руководящий слой имеет и власть, и привилегии; обычные работники не обладают властью, но получают некоторые сопутствующие льготы; представители низшей прослойки не располагают ни властью, ни льготами. В целом же иерархия власти внутри корпораций фактически воспроизводит властные структуры макроуровня.

Партиномиальная система

Итак, общество советского типа воспроизводится как система властных иерархий. Властные отношения реализуются как господство высших слоев над низшими. Но такое господство устанавливается не только насильственными или редистрибутивными, но и символическими средствами. Здесь утверждается

особый тип легитимации власти, особая форма авторитета, которую мы, вслед за З. Бауманом, назовем «партиномиальной» (partinomial) формой[5].

Именно Партия, вооруженная «передовой теорией» (теорией утверждения социализма в результате победоносной классовой борьбы), и составляет организующее ядро и регулирующую силу всего государственного устройства.

Важнейшим инструментом партийной работы становится стратифицирующая политика. По отношению к буржуазному обществу она заключается в обосновании и всяческом подчеркивании значимости классового деления общества, провоцировании классовой борьбы посредством разжигания зависти и ненависти к более преуспевающим слоям, оправдания применяемых к ним мер силового давления.

В обществе «реального социализма» данная политика становится более тонкой. Проповедуются сразу две программы (чисто логически они исключают друг друга) — программа социальной однородности общества как внешнее прикрытие и программа стратификации по схеме «Вожди — Партия (ее Аппарат) — Народ — Антинародные элементы» как основа реальных действий.

Ресурсы, мобилизуемые Партией (точнее, ее вождями и аппаратом) для оправдания порядка и легитимации собственной власти, достаточно мощны и разнообразны. Важной точкой опоры для правящих слоев является использование психологии масс (низших слоев). Сначала разрушительные инстинкты масс используются как таран в революционной борьбе против буржуазных элит, а после победы — как орудие сдерживания наиболее активной части средних слоев. Этот союз правителей и «народа» против средних слоев становится важным способом стабилизации иерархических порядков.

Привлечение масс и навязывание им необходимых иерархических представлений осуществляется с помощью целого ряда мобилизующих средств.

1. Утверждение иерархий планирующих и направляющих партийно-государственных органов, объявляемых временными средствами переустройства общества, которое освобождает человека массы от всякой ответственности за происходящее.

2. Разжигание утилитарных, грубо материальных интересов масс. Рисуются, хотя и утопические, но привлекательные картины быстрых и радикальных изменений — освобождения масс от тяжелого отчужденного труда, достижения всеобщего материального благополучия.

3. Культивирование идей справедливости, понимаемой как равенство положения социальных групп, стремления к социальной однородности, при которой исчезают все существенные формы неравенства, кроме физико-генетического и профессионального неравенства.

4. Утилизация авторитета позитивной науки для придания социальным проектам черт объективности, характера непреложного закона. Хотя реально рационализация систем действия проводится более гибкими, отнюдь не научными методами, что дает возможность более быстрой адаптации, изменения точек зрения в целях более успешного манипулирования массовым сознанием.

5. Несмотря на воинствующий атеизм, успешно удерживаются все черты религиозного учения. Фактически объявляется идея всеобщего спасения перед лицом надвигающегося буржуазного апокалипсиса.

6. Наконец, организуется жесткая система органов насилия. Опасения лишиться тех или иных формальных рангов подкрепляются страхом перед угрозой полного лишения гражданских прав и физического уничтожения.

Таким образом, в арсенале средств поддержания иерархического порядка «Вожди — Партийный Аппарат — Народ — Антинародные элементы» сочетаются элементы научного обоснования и религиозного верования, морализаторства и технократического утопизма, материального принуждения и физического насилия.

Одни низшие группы благополучно приспосабливаются. Другие, поддаваясь идеологической обработке, начинают расценивать навязанные интересы как свои собственные. Третьи, в силу своей пассивности и безразличия, просто позволяют собой манипулировать.

Патерналистская система

Власть партийно-государственных органов ни в коей мере не является абсолютной. Говоря о господстве высших правящих слоев, нельзя забывать о том, что власть представляет собой социальное отношение и потому не может быть односторонней. Насилие эффективно лишь постольку, поскольку оно не встречает сопротивления. Ни страх перед репрессиями, ни идеологическое воздействие неспособны подавить сопротивление низших слоев, хотя

[5] *Bauman Z.* Officialdom and Class: Bases of Inequality in Socialist Society. / Parkin F. (ed.) The Social Analysis of Class Structure. L., 1974.

это сопротивление чаще всего носит пассивный неорганизованный характер и крайне редко переходит в фазу открытого конфликта.

Низшие слои, насколько бы бесправными они не казались, имеют в своем распоряжении достаточно средств, чтобы противостоять господству верхов. Низкая производительность труда, растрата ресурсов, приворовывание материалов и готовой продукции, намеренные проволочки, показное повиновение, фальсифицированная информация — все эти формы пассивного противодействия успешно используются рядовыми исполнителями на протяжении многих веков при вынужденном невмешательстве начальства. Наделенные властью вынуждены вступать в договорные отношения со своими подчиненными. И на этой основе развивается система неформальных отношений и взаимных обязательств, регулируемых более сложными механизмами чем прямое господство[6]. Важный источник легитимации власти в системе советского типа, помимо все более угасающей веры в будущее справедливое «коммунистическое» общество, обеспечивается своеобразной системой партийно-государственного патернализма.

Патернализм понимается нами как система строгой субординации социальных групп, в рамках которой нижестоящие могут рассчитывать на защищенность и заботу со стороны вышестоящих. Правящие слои, обладая намного более весомыми привилегиями, обязаны гарантировать исполнителям минимум средств существования, независимый от их трудового вклада. Социальная защищенность обеспечивается всеобщей занятостью и низкими требованиями к выполняемой работе, а также гарантированным минимумом заработной платы, товаров и услуг (многие услуги вообще предоставляются бесплатно). Бесплатное образование и медицинское обслуживание, дотирование низких цен на продукты питания и поддержка убыточных предприятий — список примеров патерналистской политики можно продолжать достаточно долго. Это явление распространено и на макро- и на микроуровнях, порождая неформальные связи между работниками и руководством, сочетающие в себе отношения субординации и отеческого покровительства.

Патернализм является основой для механизмов своеобразного *социального обмена*. Власть предстает здесь уже не просто как «выкручивание рук», но как возможность предоставления определенных благ (услуг), требующего от получателя соответствующих ответных действий (уважения, повиновения). На макроуровне низшие слои обменивают свой производительный труд и политическую лояльность на устойчивость и неуязвимость своего положения. При таком патерналистском обмене в наиболее невыгодных условиях оказывается более квалифицированная часть средних слоев — специалистов и рабочих. Их неоформленные стремления подавляются, как мы уже говорили, «большой коалицией» партийно-государственных властей с массой работников средней и низкой квалификации.

[6] *Lenski G.* Power and Priviledge: a Theory of Social Stratification. N.Y., 1966. P. 53.

Использование силовых методов также ограничено тем, что правящие структуры не в состоянии управлять без обратной связи, без учета интересов «низов». Сколь-либо эффективный контроль из единого центра в этом случае оказывается просто немыслим. К тому же партийно-административные органы никогда не обладают полной и достоверной информацией о происходящем на местах. Поэтому окончательные решения принимаются в результате «торговли» между вышестоящими и нижестоящими корпоративными структурами.

«Торговля» за план, фонды, штат, зарплаты распространяется по всем уровням экономической иерархии: отраслевые министерства торгуются с Советом Министров и ЦК КПСС; предприятия и объединения ведут переговоры с министерствами и местными партийными комитетами; рабочие входят в неофициальные сделки с начальством и т.д. Возможности участвующего в «торговле» определяются в основном силой представляемой корпорации, а также личными неформальными связями с партнерами по переговорам. Руководители приоритетных с точки зрения интересов государства предприятий, имеющие связи «наверху», могут получать больше дефицитных ресурсов, занижать плановый объем производства, пользоваться скидками с налогов и платежей, обеспечивать своим работникам более внушительный набор сопутствующих льгот[7].

В процессе торговли за ресурсы создаются скрытые лоббирующие группировки, являющиеся реальными социальными группами, отстаивающими свои групповые интересы. Эти группы мобилизуются, чтобы оказывать давление на административные и партийные органы. Любое крупное предприятие имеет в отраслевом министерстве и Госснабе «своих людей», которые могут предоставить полезную информацию и поддержать предприятие в переговорах с руководством. Во всяком городе есть группировки, образованные представителями горкома партии,

[7] См., например: *Корнаи Я.* Дефицит. М.: Наука. 1990.

горисполкома и крупных предприятий, проводящими свою линию. А внутри каждого предприятия управляющие часто стараются заключить союз с частью работников, чтобы обеспечить поддержку своих требований.

Каркас «вертикальных» обменных связей между вышестоящими и нижестоящими звеньями иерархий скрепляется «горизонтальными» связями как между корпорациями, так и отдельными работниками того же уровня. Через неформальные сделки осуществляется систематический натуральный (бартерный) обмен находящимися в дефиците материальными ресурсами, информацией, готовой продукцией и услугами.

Таким образом, в рамках патерналистской системы власть являет собой сложное сочетание механизмов господства и обмена. Хотя преувеличивать роль обмена, придавая ему черты эквивалентных рыночных отношений, все же не следует, так как высшие слои имеют в этом обмене изначальные преимущества. Представители власти с легкостью и вполне сознательно закрывают глаза на многочисленные нарушения порядка. Но они сохраняют за собой неоспоримое право в любой момент вмешаться и прекратить практически любую деятельность, которая будет сочтена нежелательной. Привилегированное положение партийно-государственных органов определяется уже одним тем, что они могут манипулировать кадрами, снимая с должности тех, кто не удовлетворяет их требованиям. На каждого имеется «личное досье». И любой директор государственного предприятия или даже обычный рабочий могут быть уволены, если отклонятся от формальных и неформальных правил, предписанных «начальством». К тому же низшие социальные группы вынуждены конкурировать за дефицитные ресурсы между собой, что ослабляет их позиции в процессе обмена.

В итоге воспроизводство социального расслоения в обществе советского типа принимает форму асимметричного социального обмена, основанного на различиях в персональных и корпоративных рангах, из которых вытекают различия в присваиваемых привилегиях.

2. ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЙ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА

Советское общество не оставалось неизменным в течение семи десятилетий. Оно прошло, по крайней мере, два крупных этапа, водоразделом между которыми послужила «хрущевская оттепель» середины 1950-х годов. Первый этап часто называют «казарменным социализмом», а второй — «патерналистским социализмом».

Для *казарменного этапа* характерны большая централизация властных полномочий в центре и более жесткие административные иерархии. Самостоятельность отдельных политических, хозяйственных, культурных корпораций существенно ограничена.

Частая ротация, периодические чистки кадров обеспечивают довольно высокую социальную мобильность в верхних слоях общества. Низшие слои удерживаются в подчинении угрозой карательных мер. Распространяется административное прикрепление рабочих рук к предприятиям и учреждениям.

Существенных различий в стиле жизни разных страт еще не наблюдается. Это не только свидетельство бедности и уравнительности, но, может быть, даже в большей степени, результат полувоенного единообразия, дополняющего строй полувоенной дисциплины.

Не допускается поступление неотфильтрованной информации как извне, так и изнутри страны, что облегчает задачи идеологического манипулирования, рационализации проектов предлагаемого будущего устройства, поиска врагов, мешающих реализации этих проектов.

Что же касается второго, *патерналистского этапа*, то он характеризуется общим размягчением иерархических порядков, переходом от прямого принуждения к социальному обмену.

Бюрократизация эшелонов власти приносит им желанную стабильность. Вертикальная социальная мобильность принимает более умеренные и более зарегулированные формы. В результате невозможности перепрыгивания, как раньше, через несколько карьерных ступеней, постепенно наступает господство геронтократии в правящих слоях.

В ранговой системе утрачивается дискриминирующая роль социального происхождения (из дворян, буржуазии, рабочих, крестьян-бедняков и т.д.). Возрастает значение образовательных аттестатов и дипломов.

Раньше на высшие позиции выбивались партийные жрецы, способные к «истинно научному» толкованию событий. Теперь в процессе бюрократизации партийных структур происходит своеобразное оборачивание. Обладание символической властью все менее зависит от личных и профессиональных качеств, но в большей степени определяется принадлежностью к корпорации определенного ранга (горком, обком, Центральный Комитет). Партиномиальный авторитет отделяется от отдельных личностей и принадлежит партийно-государственным институтам как таковым.

Организационная структура общества в целом становится более гибкой, а власть — более фрагментарной. Собственность госу-

дарства постепенно переходит в руки отраслевых и региональных корпораций, крупнейших предприятий и объединений, отвоевывающих все больше фактических распорядительских функций.

Ширятся и множатся сети неформальных обменных связей. Торговля за ресурсы принимает более открытый характер. Расцветают «черные» и «серые» рынки, через которые перекачивается возрастающая часть государственных ресурсов. Соответственно, повышается материальное и социальное положение групп, причастных к распределительным процессам в сферах торговли, снабжения, транспорта.

Заканчивается эпоха полувоенного френча и казенной мебели. Элементарное разнообразие в потреблении влечет за собой и развитие престижного потребления у правящих слоев.

При невозможности удержать просачивающуюся неофициозную информацию, допускается возникновение зачаточных контркультур и альтернативных стилей жизни и поведения.

Размывание веры в проповедуемые социалистические ценности и одновременно снижающаяся роль мер силового принуждения заставляют использовать более гибкие способы стимулирования — через жилье и прописку, прибавки к зарплатам и сопутствующие льготы.

Все эти сдвиги и привели в конечном счете к тому, что позднее было названо «перестройкой».

Эволюция общества советского типа привела его к состоянию стагнации. При попытке нарушить это состояние, разразился экономический, политический и социальный кризис. Разрушается система устоявшихся культурно-нормативных ориентаций и структура привычных социальных ролей. Усиливается общая экономическая и политическая нестабильность. Для целого ряда групп возникает опасность потери гарантий жизненного минимума средств существования. Возросшая преступность лишает граждан их былого спокойствия. В результате под угрозой оказывается сама коалиция между высшими и низшими слоями населения, которая побудила социальные изменения — процессы многоступенчатой смены правящих элит и частичное переструктурирование средних и низших слоев.

Нарастающая социальная динамика современной постсоветской России привела к усложнению и без того непростой стратификационной картины, которую теперь еще труднее уложить в один-два простейших стратификационных типа. В этой структуре, безусловно, сохраняются черты прежнего этакратического общества, построенного на властных иерархиях и формальных рангах. Одновременно происходит возрождение основ экономических классов

на базе приватизированной государственной собственности. Заметно прогрессирует дифференциация доходов. Рядом с властными иерархиями появляется особая «предпринимательская» структура[8], включающая в себя следующие основные классы:

1. Крупные и средние предприниматели (с регулярным использованием наемного труда).

2. Мелкие предприниматели (собственники и руководители фирм с минимальным использованием наемного труда или основанных на семейном труде).

3. Самостоятельные работники (self-employed).

4. Наемные работники.

Неизбежный конфликт между этакратической и классовой структурами в сильной степени смягчается растущей социальной мобильностью между государственным и негосударственным секторами экономики. В негосударственные структуры переливается, в первую очередь, более квалифицированный умственный и физический труд. При этом многие работники предпочитают находиться сразу в двух секторах, оставляя за собой места в государственных учреждениях и рассматривая их как форму социального страхования.

В былом правящем слое произошел очевидный раскол. Одна часть партийно-государственных функционеров продолжает сохранять свои места в подновленных аппаратных структурах. Другая их часть «обуржуазивается». Они используют свою монополию на распоряжение государственными ресурсами и информацией, а также общее несовершенство хозяйственного законодательства, чтобы овладеть негосударственными формами организации хозяйства и конвертировать государственное имущество в частную собственность. Третья часть функционеров — наверное, менее удачливые — предъявляют запасенные впрок ученые степени, чтобы обрести статус профессиональных специалистов.

Вместе с верой в «социалистические ценности» подорван «партиномиальный» тип авторитета. А с выходом из игры основного разыгрывающего — компартии — государственные структуры утратили многие интегрирующие функции. Впрочем, они еще сохраняют под контролем достаточную часть ресурсов. И в результате оказываются объектом привычного давления снизу. Только ос-

[8] О плюрализации иерархических структур, см.: Radaev V. Power Distribution and Social Stratification in a Soviet-type System /S.Kozyr-Kowalski, J.Tittenbrun (ed.) On Social Differentiation: A Contribution to the Critique of Marxist Ideology. Vol. 2. Poznan, 1992. P. 128—130.

новным предметом «торгов» становятся уже не столько сами производственные ресурсы, сколько основные правила хозяйственной деятельности.

Одновременно многие социальные субъекты (крупные предприятия, регионы) пытаются построить собственные системы обеспечения, самозащиты и развития на локальном и корпоративном уровнях.

Изменения коснулись содержания практически всех стратификационных систем. В ходе перестройки и развала Советского Союза активизируется кастово-этническая сегрегация представителей нетитульных национальностей, которые сдвигаются на относительно более низкие ступени общественных лестниц (это в первую очередь касается стран «ближнего зарубежья»).

Усложняется набор профессий, изменяется их сравнительная привлекательность в пользу тех, которые обеспечивают более солидное и быстрое материальное вознаграждение. Удлиняется список «альтернативных профессий» (например, ширятся ряды биржевых брокеров, мелких торговцев-«челноков» или профессиональных нищих). Происходит оформление «нового класса» — безработных, лишенных и собственности, и стабильных рабочих мест.

Внедряется двойной стандарт в систему доступных образовательных сертификатов — российских и западных (имеющих западную валидацию).

В культурно-символической иерархии на поверхность поднимаются группы, успешнее других толкующие о содержании рыночных реформ, в особенности те из них, кто знаком с какой-нибудь западной теорией и практикой.

А в культурно-нормативной иерархии появляются новые высокопрестижные группы. Одни объявляют себя «избранниками народа» и под лучами телекамер вершат судьбы России. Другие называют себя «бизнесменами» и выделяются из толпы дорогими машинами, шумными презентациями и полетами на Канарские острова.

Изменения не обходят стороной и физико-генетическую стратификационную систему. Так, наблюдается сильная коммерциализация групп, обладающих особыми физико-генетическими данными (формируются наемная армия и профессиональный спорт, самостоятельными сферами занятости становятся проституция и рэкет). Возрастает также социальная значимость возрастных, поколенческих различий.

Более подробно изменения стратификационной картины постсоветского общества будут рассмотрены в следующей главе.

*Глава 12**

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: ОТ СОСЛОВНО-СЛОЕВЫХ К КЛАССОВЫМ ОТОШЕНИЯМ

Эта глава написана летом 1996 г., когда экономические и социальные перемены в российском обществе, начавшиеся свыше 10 лет назад, более или менее закрепились. Каковы же новые черты социальной действительности, те социальные инварианты, которые предопределяют характер складывающейся стратификационной иерархии? Начнем рассмотрение этой непростой проблемы с анализа подспудных процессов предыдущего периода, разрушавших изнутри советскую (этакратическую) систему.

1. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ РЫНОК, НОМЕНКЛАТУРНАЯ ПРИВАТИЗАЦИЯ И ИЗМЕНЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

После нескольких лет дискуссий, сводившихся к развенчанию всех и всяческих советских мифов, наступило время серьезных размышлений о природе социальной системы советского типа в периоды ее расцвета и упадка. Что касается основных черт системы в годы ее расцвета, то они были охарактеризованы в предыдущей главе. Автору, пишущему эти строки, долгое время представлялось, что и на этапе упадка свойства системы оставались, пусть в деформированном, «нечистом» виде, но теми же. Однако исследования экономистов В.А. Найшуля и Е.Т. Гайдара доказали надобность пересмотреть эту точку зрения.

С начала 90-х годов стало общеупотребительным высказывание: «Номенклатура обменяла власть на собственность». Это выражение неверно хотя бы потому, что ныне, став частными собственниками, представители господствующего слоя не перестали быть и властвующей элитой. Но, кроме того, номенклатура (или по другой терминологии, более точной — этакратия) в условиях расцвета системы при Сталине, обладая властью, тем самым владела и собственностью, ибо владела государством, которому, в

---

* Данная глава подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (Грант № 95-06-17582, н/о по теме «Переход к новой системе стратификации в посткоммунистической России»).

свою очередь, принадлежала почти вся собственность в стране. Правда, эта собственность была не индивидуально-частной, а совокупно-частной. Индивидуальная собственность действительно была загнана в глубокое подполье, почти полностью уничтожена. В этом, кстати говоря, и было одно из качественных отличий современного этакратизма от традиционного государственного («азиатского») способа производства.

Е.Т. Гайдар справедливо вспоминает одно чрезвычайно точное наблюдение Л.Д. Троцкого: «Привилегии имеют лишь половину цены, если нельзя оставить их в наследство детям. Но право завещания неотделимо от права собственности. Недостаточно быть директором треста, нужно быть пайщиком. Победа бюрократии в этой решающей области означала бы превращение ее в новый имущественный класс.» Другими словами, потребность в частной собственности связана с таким безусловным инстинктом, как родительский[1].

Не случайно, по критерию К. Маннгейма, наследуемость собственности служит критерием, является ли социальная группа классом в точном смысле слова. Тот факт, что правящая элита всячески стремилась устранить это ограничение (на что обращает особое внимание М. Восленский — автор знаменитой книги «Номенклатура»), доказывает реальную значимость данного ограничения.

Как только репрессивный режим перестал давить на этакратию, как только господствующие слои получили гарантии личной и имущественной безопасности, неприкосновенности жилища и т.д., на первый план вышла проблема собственности. Началось личное накопление. Номенклатура, торговые работники, теневики, руководители военно-промышленного комплекса, пригретые политическими лидерами работники искусств — вот хозяева первичных предкапиталов, начавших складываться с середины 50-х годов.

Но ключевое значение в начавшихся процессах имело изменение системы управления государственной собственностью[2]. Жесткую иерархическую командную систему управления экономикой из единого центра шаг за шагом сменяет административный (бюрократический) рынок, весьма своеобразная система экономических отношений, которую справедливо называют «экономикой согласований», сложный бюрократический рынок, построенный на

[1] *Гайдар Е.* Государство и эволюция. М., 1995. С. 114.

[2] См. *Найшуль В.* Высшая и последняя стадия социализма//Погружение в трясину. М., 1991; *его же.* Брежневизм как источник наших свобод//Знание — сила. 1992. № 9. С. 63—65; *его же.* Б/н//Посткоммунистическая трансформация: опыт пяти лет. Сб. докладов. Научные труды ИЭППП. № 2 Р.М., 1996.

обмене — торговле, осуществляемой как органами власти, так и отдельными лицами. В отличие от обычного денежного рынка товаров и услуг на этом рынке происходит обмен не только материальными ценностями, но и властью, исключениями из правил, престижем, т.е. всем, что имеет какую-либо ценность. Особенно ценился на этом своеобразном рынке социальный статус, который давал неизмеримо больше, чем любые деньги. Директор завода или института понимал, что получить потребные ресурсы будет неизмеримо легче, если он (она) станет депутатом Верховного Совета, Героем социалистического труда или лауреатом Ленинской премии.

Директора предприятий из «винтиков» государственной машины, беспрекословно выполнявших приказы начальства, превратились в активных субъектов торга. Но «торговали» они не столько между собой, что было бы залогом нормального рынка, а с вышестоящими начальниками. Этот торг шел по всей вертикали — от рядового рабочего до членов Политбюро за принятие наиболее выгодных условий. Так, согласие директора предприятия на увеличение плана можно было обменять, например, на улучшение его служебного положения или на средства для строительства заводского жилого дома. Поскольку в Центр пробиваться становилось все труднее, то стали усиливаться горизонтальные связи. Их основные субъекты — директора и чиновники — начали осознавать себя самостоятельной социальной силой с особыми интересами.

Относительная стабильность положения директоров, министров, других высших чиновников, руководивших подведомственными им заводами, отраслями, регионами в течение многих лет, накопивших за это время и авторитет, и связи, и средства, значительно изменила их психологию, реальную практику управления. Высшие номенклатурные бонзы почувствовали себя достаточно уверенно, сделали крупный шаг по переходу от роли управляющих (при отсутствующем владельце) к положению реальных хозяев.

Таким образом, в 1953—1985 гг. при внешнем господстве все той же тотально-государственной собственности развивались своеобразные латентные процессы зарождения «квазичастной» собственности, шел процесс преприватизации собственности и складывания протокласса крупных собственников.

В 1985—1991 гг. подспудные процессы предыдущего периода вышли наружу. Началась открытая номенклатурная приватизация. В этом был социальный смысл реформ Рыжкова — Горбачева, вся выгода от которых досталась «своим» — хозяйственному и партийно-комсомольскому аппарату. Благодаря централизации госсобственности и раздаче ее в «полное хозяйственное ведение» соответст-

19—778

вующих должностных лиц (1987—1990 гг.) принцип владения ею из исключительно корпоративного превратился в корпоративно-индивидуальный. Подоспевшая приватизация (с 1992 г.) облекла ту же номенклатурную собственность в разного рода смешанные, полугосударственные формы и таким способом еще надежнее закрепила ее за номенклатурой, укрыла от притязаний других социальных групп. В итоге и власть, и собственность остались в руках прежних хозяев России, которые только укрепили свои позиции.

Это объясняет бескровность «антикоммунистической» революции. Поскольку этакратия с дочерним отрядом комсомольского бизнеса открыто превратилась в крупную буржуазию, некому было организовывать гражданскую войну за реставрацию старых порядков. Привилегированное меньшинство стало открыто богатым, господствующим и правящим классом, кровно заинтересованным в стабильности и мирном закреплении номенклатурно-бюрократического государственного капитализма.

Номенклатурная собственность не была единственным источником складывания буржуазных слоев. Был еще один канал преемственности в системах социального расслоения между «коммунистическим» прошлым и буржуазным настоящим. Нельзя забывать о гигантских масштабах теневой экономики в бывшем СССР, в которой к концу 80-х годов было задействовано (по разным расчетам) 20—30 млн. человек как полностью (вероятно, до 3 млн.), так и по большей части — от случая к случаю. Слои необуржуазии, действовавшие в этом секторе экономики, богатели за счет спекуляций, хищения сырья и готовой продукции. По подсчетам А. Кочетова, примерно 5—6 млн. человек имели доходы от этого бизнеса, превышавшие среднюю по стране заработную плату примерно в 10 раз. Если же оценивать доходы «хозяев» теневой коммерции, входивших в хозяйственную номенклатуру, то с учетом высокой заработной платы, привилегий и скрытых коммерческих поступлений их доходы соотносились со средней заработной платой как 100:1. По схеме А. Кочетова, обладатели этого типа доходов относились к трем «классам»: правящему, управляющим специалистам в сфере услуг и к работникам сферы услуг[3].

Все, быстро выраставшие, начиная с 1987 г., новые формы экономической активности (кооперативы, малые и совместные предприятия и т.д.) создавались почти исключительно для торго-

---

[3] *Кочетов А.* Истоки «новой» социальной структуры//Свободная мысль. 1993. № 9. С. 66—73. См. также: *Римашевская Н.М., Римашевский А.А.* Равенство или справедливость. М., 1991. С. 57 и др.

во-посреднической деятельности. В них-то и легализовались хозяева и хозяйчики прежней теневой экономики.

По мнению И.А. Гольденберг, специально занимавшейся проблемой судеб теневой экономики в период реформ, две прослойки буржуазии — легально-административная и теневая — вступили в противоборство за овладение собственностью и каналами получения доходов. Борьба разворачивалась за распоряжение средствами производства и за контроль над сферами распределения и обращения. Занимая выгодные исходные позиции в сфере обращения и частично в сфере распределения, теневая прослойка стала постепенно наращивать позиции в сфере распоряжения средствами производства. Легально-административная прослойка была вынуждена делать уступки, корректируя законодательно-правовую основу бизнеса и в то же время сохраняя свои преимущества в административно-государственной сфере. В итоге борьбы обе прослойки к середине 90-х годов практически слились[4]. Но, следует добавить, слились на основе сохранения власти и собственности прежде всего у номенклатуры.

Однако административный рынок повлиял не только на трансформацию господствующих социальных групп. Он воздействовал на всю систему социальных отношений, на реальное экономическое поведение всех слоев населения. В этакратическом обществе при Сталине масштабы неравенства были несопоставимы ни с каким другим современным обществом; существовала длиннейшая иерархическая лестница статусов и социальных групп — от самого низа пирамиды, где находились миллионы умиравших от голода заключенных — до мигранта-рабочего в первом поколении, исполнявшего тяжелый непрестижный труд, а от последнего — до министра, человека особой породы, жившего на уровне преуспевающего западного лидера корпорации, располагавшего благами, которые не купишь ни за какие деньги.

Под влиянием потребительского рынка и проторынка рабочей силы эта иерархия начала лопаться. Особенно повлиял дефицит рабочих рук. Рынок, даже такой извращенный, выступил в роли эгалитаризирующего фактора. Резко уменьшилось количество зэков как рабской бесплатной рабочей силы, оставшимся пришлось что-то платить, как-то их кормить; крестьяне получили паспорта и возможность относительно свободной миграции, в колхозах начали выдавать заработную плату; рабочим стали строить отдельные квартиры и т.д. Другими словами, резко уменьшилось неравенство.

---

[4] См. *Гольденберг И.А.* Хозяйственно-социальная иерархия в России до и после перестройки//СОЦИС. 1995. № 4.

Новое, пусть и меньшее по размерам, неравенство самим населением стало восприниматься как его увеличение, ибо оно не укладывалось в привычное статусно-иерархическое мышление. Стало возможным сравнивать и сопоставлять себя и соседа, себя и начальника, у которых, скажем, помимо служебной автомашины теперь появилась собственная.

С точки зрения теории административного рынка, Россия в период, предшествовавший реформе, представляла собой совокупность офисов, контор, предприятий, которые были связаны сложной системой взаимных отношений и взаимных обязательств. И эта система стала постепенно разрушаться. Ведь чем сложнее становилось хозяйство, тем чаще не срабатывали вертикальные связи, эффект давали только горизонтальные. Центр потерял всякую экономическую функциональность. Инстинкт самосохранения понудил власть начать перестройку.

Задача долговременной трансформации состояла в том, чтобы раскрепостить отношения между предприятиями, ведомствами, дабы они могли стать агентами на рынке, заключающими между собой сделки, исходя из рыночных интересов. Этот процесс мог пойти по-разному: свестись к ремонту существующей системы, повышению ее эффективности или ее демонтажу. В первом варианте на выходе мы получаем государственно-монополистический корпоративистский капитализм; во втором — демократический, социально ориентированный.

Т.И. Заславская попыталась интегрировать размышления ученых и публицистов об альтернативных путях развития России. В этой связи она выделила три типа развития социально-экономической системы капитализма, возможных в России:

1. «Социал-демократический капитализм европейского типа» с ориентацией на рациональное сочетание государственной, смешанной и частной собственности, с активной антимонопольной политикой, первоочередной приватизацией малой и средней государственной собственности, поощрением малого и среднего бизнеса, социальной защищенностью граждан, интенсивным формированием среднего класса. Очевидно, что этот тип развития имел и имеет массовую поддержку среди населения.

2. Либеральный капитализм латиноамериканского типа с минимальным вмешательством государства в экономику, концентрацией бывшей государственной собственности в руках политической и экономической элиты, разделом внутреннего рынка между крупными мафиозно-монополистическими группами, значительной и возрастающей социальной поляризацией, слабой социальной защищенностью трудящихся, медленным развитием среднего класса, маргинализацией десятков миллионов людей.

3. Возврат к государственно-монополистическому капитализму советского типа с ликвидацией свободы экономической деятельности, ограничением и даже запрещением частного бизнеса, воссозданием бюрократического квазирынка, многосторонними, но низкими социальными гарантиями, восстановлением социально замкнутого высшего класса, слабой стратификацией остального общества («равенство в нищете»)[5].

Такое качественное расхождение вариантов развития, казалось бы, предполагает и серьезное противоборство социальных сил, стоящих за каждым из них, в том случае, если эти варианты действительно стояли (и стоят) как реальные перспективы перед страной. Как же, на наш взгляд, развивались события на самом деле?

Сама природа того общества, из которого вышла перестройка и последующие реформы, такова, что социальные слои образовывали некоторые размытые множества, у которых не было даже в интенции осознания своих групповых интересов, специфической системы ценностей, единства образа жизни. Исключение составляла властвующая элита, которая обладала всей системой групповых признаков, включая самоидентификацию. Поэтому именно элита (этакратия, номенклатура), а совсем не интеллигенция (как пишут некоторые авторы), оказалась локомотивом социальных изменений. Права Р.В. Рывкина, когда подчеркивает, что партийно-советский аппарат «инициировал перестройку 80-х годов, в его руках находились все «командные высоты» советской экономики и от него зависели перспективы — какая экономическая система будет формироваться в стране, какой будет судьба «старых» классов (рабочих, крестьян, интеллигенции) и какие новые будут возникать, в каком направлении будет развиваться вся социальная система»[6].

Описание происходящего в 1985—1996 гг. у большинства авторов примерно совпадает. Совсем другое дело — оценка состоявшейся приватизации и социальных последствий перераспределения собственности. При анализе складывающихся социальных от-

---

[5] См. *Заславская Т.И.* Трансформация российского общества как предмет мониторинга//Экономические и социальные перемены. Мониторинг общественного мнения. 1993. № 2. С. 6—7; *она же.* Социальный механизм трансформации советского общества//Социол. журнал. 1995. № 3.

[6] *Рывкина Р.В.* Формирование новых экономических классов в России//Социол. журнал. 1994. № 4. С. 40.

ношений понимание и объяснение этого процесса имеет особое значение. Т.И. Заславская убедительно доказывает, что в условиях современной России «пространство стратификации имеет тенденцию свертываться чуть не до одного измерения — капитала, дохода, собственности»[7].

В социологической науке традиционно признается наилучшим для любой страны вариант развития, при котором максимально обеспечивается равенство условий жизненного старта вне зависимости от имущественного положения, места во властных отношениях, социального статуса. Многие социологи настаивали и настаивают на том, что в России были все предпосылки для совершения на переломе 80—90-х годов «подлинной и действительно народной приватизации», что были условия для проведения демократической революции, для осуществления комплекса коренных, радикальных реформ, направленных на возвращение народу власти и собственности, на решительное расширение сектора малого и среднего бизнеса за счет крупного (номенклатурного)[8].

Однако, на наш взгляд, более правы те авторы, которые, исходя из факта реального распределения собственности в дореформенный период, утверждают, что сложившееся к концу 80-х годов соотношение сил сделало неизбежным захват номенклатурой контрольных позиций в приватизирующейся экономике. Это был единственный путь мирного решения вопроса о собственности. Коль скоро есть шанс отделить собственность от власти, то есть и перспектива сформировать свободный рынок, на котором собственность все равно будет перемещаться из рук в руки, подчиняясь закону конкуренции. И вопрос сводится именно к разрыву связи «власть — собственность». С того момента, когда владение собственностью не освящается властью, наступает (пусть и не сразу) нормальная обстановка для формирования отношений демократического конкурентного капитализма.

В 1988—1991 гг. состоялась раздача собственности в номенклатурные руки, сохранившие и властные полномочия. В итоге сложился беспримесный номенклатурный капитализм в чрезвычайно выгодном варианте — лжегосударственной форме деятельности частного капитала. Это была келейная паразитическая приватизация без смены юридических форм собственности. Процесс выхода номенклатурных чинов на коммерческую стезю начался в 1987 г.

[7] *Заславская Т.И.* Структура современного российского общества//Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995. № 6. С. 7.

[8] *Буртин Ю.* Оборотень//Октябрь. 1994. № 11. С. 172—179.

со специального решения ЦК КПСС о комсомольском движении в рыночную экономику. Координационный комитет этого движения возглавил второй человек в партии, член политбюро и секретариата, Е.К.Лигачев. Началось создание разнообразных коммерческих центров, контроль за которыми и реальное руководство осуществляли высшие чиновники. Эти организации практически не платили налоги, они имели право перекачки безналичных денег в наличные, они покупали валюту в Госбанке по смехотворному официальному курсу (0,56 руб. за 1 долл.) и тут же перепродавали по коммерческому курсу (от 20 до 150 руб. за 1 долл.). Им были доступны все государственные фонды, запасы сырья и готовой продукции, которые они сразу продавали за рубеж огромными партиями. Им же было передано множество зданий, санаториев, домов отдыха. Они же создавали благотворительные фонды, неподконтрольные налоговой инспекции и позднее в большинстве своем таинственно исчезнувшие. И, наконец, все они «свои» люди — были полностью ограждены от правоохранительных органов. Примером успешного включения «зачинателей» этого движения в настоящую, крупную даже по мировым масштабам, коммерцию может служить финансовая империя «МЕНАТЕП», и поныне пользующаяся особой благосклонностью уже новых властей.

К началу 1992 г. в России официально было приватизировано 107 магазинов, 58 столовых, 36 предприятий службы быта. А на самом деле практически вся сфера народного хозяйства была уже поделена. Стране с неизбежностью грозил вариант застойного государственно-монополистического капитализма.

Начало открытой приватизации (с 1992 г.) означало ненасильственное изменение отношений собственности без (в большинстве случаев) смены владельца. В этом отношении позитивную роль сыграл переход к свободным ценам. Фиговый листок лжегосударственности стал спадать с номенклатурной собственности. Директора, министерские и другие чиновники продолжали пользоваться доходами по своему усмотрению, но государство уже не платило по их долгам, а рабочим было необходимо выдавать заработную плату. Другими словами, начался переход от лжегосударственной формы собственности к подлинно частной, к чисто рыночному перераспределению собственности.

Процесс этот далек от завершения. По мнению профессора Е.Т. Гайдара, «лишь на несколько градусов удалось повернуть стрелку от номенклатурной к демократически-рыночной приватизации»[9].

[9] *Гайдар Е.Т.* Указ. соч. С. 192.

До сих пор не существует системы достаточно развитой частной собственности, отделенной от государства. Цель бюрократии — законсервировать отношения «ничейной собственности, чтобы, не неся за нее ответственности, пользоваться доходами с нее как с частной»[10]. Эта незавершенность, неопределенность отношений собственности сказывается решающим образом и на социальной стратификации.

Другой источник (помимо номенклатурной приватизации) формирования крупных капиталов, а, соответственно, и крупной буржуазии — льготные кредиты, скрытые экспортные субсидии и дотирование импорта. Эти способы обогащения «новых русских» возникли в 1988 г. и приняли небывалые масштабы в 1992 г. По мнению Андерса Ослунда, экономического советника правительства при Е. Гайдаре, «в выигрыше оказались банкиры, имевшие большие связи в верхах» и сосредоточившие субсидируемые кредиты промышленным и аграрным предприятиям. А на разнице в ценах на внутреннем и мировом рынках (нефть, металл, сырье), благодаря экспортным квотам и лицензиям, сколотили огромные состояния, как выразился тот же превосходно информированный Ослунд, «люди с большими связями — должностные лица компаний-производителей, торговцы сырьем, коррумпированные чиновники». Также воздействовали на складывание феерически возникавших состояний и субсидии на импортные поставки в 1992 г. продовольствия. Импортеры платили всего лишь один процент действовавшего обменного курса при покупке валюты у правительства. Продукты продавались в России по обычным рыночным ценам, а субсидия пошла в карман импортерам. И Ослунд считает, что именно такими путями «в прошедшие несколько лет в России появились по-настоящему богатые люди. В их числе банкиры, представители нефтегазовой промышленности, торговцы и ряд высших чиновников. Некоторые из этих людей сумели сделать более одного миллиарда долларов». Основная часть их вышла из рядов прежней советской номенклатуры. (Андерс Ослунд. Новых русских обогатили три основных источника//Финансовые известия. 20 июня 1996 г.)

Однако и в пределах предопределенного варианта развития были возможности увеличить долю неноменклатурной приватизации. Такой авторитетный и реформистски ориентированный автор, как Н.Шмелев считает, что в этом отношении самой тяжкой ошибкой

---

[10] *Плискевич Н.М.* Что же мы делим?//Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 33—36.

была конфискация всех сбережений населения и предприятий в первые месяцы 1992 г. в результате отпуска цен на свободу без всякой компенсации по вкладам в банках и сберкассах. На момент реформ у населения и предприятий на счетах имелось около 1 триллиона рублей. Все основные фонды страны оценивались тогда в сумме 2 триллионов рублей. Многие специалисты расценивали готовность владельцев этих денег вложить свои средства в акции или в прямой выкуп осударственных предприятий в 300—400 млрд рублей. Иными словами, если бы не конфискация, «15—20% всей государственной собственности могло бы быть в 1992—1993 гг. выкуплено, т.е. приватизировано нормальным путем не задаром, а за деньги...». Но когда нормальные накопления были одним ударом ликвидированы, остался только один путь приватизации крупной и средней государственной собственности — раздача ее задаром директорату и чиновничьим кланам.

«Но это только часть вопроса. Другая же состоит в том, что сосредоточившись на приватизации наших промышленных монстров, реформаторы в то же время вот уже пять лет проводят политику не поощрения, не поддержки, а, наоборот, удушения истинного частного предпринимательства, мелких и средних частных предприятий. Вытолкнув частную инициативу преимущественно в «Лужники» и отчасти в банки, реформаторы упорно и, по всему видно, преднамеренно не пускают ее в главную сферу экономики — в производство.

<...> власть отказывается понимать, что будущее России — это не только и даже не столько Уралмашзавод, сколько миллионы мелких и средних частных предприятий, давно уже ставших во всем мире главной движущей силой научно-технического прогресса, конкуренции, развития рынка и главным работодателем для всех, кто идет на рынок труда». (Шмелев Н. Пять лет реформ — пять лет кризиса // Свободная мысль. 1996, № 7. С. 65—67.)

Совершенно очевидно, что тот путь, на который с неизбежностью встала Россия, означал отсутствие равенства условий жизненного старта для граждан вне зависимости от их имущественного положения, места во властных структурах и т.д. Мечтам демократов о совершении подлинной и действительно народной приватизации, а соответственно и о немедленном складывании демократического капитализма и конкурентного рынка с динамично развивающимся малым и средним предпринимательством не довелось сбыться. Этот проигрыш был запрограммирован всей историей нашего тоталитаризма, авторитаризма, «азиатчины», существовавших в России многие поколения.

2. ФОРМИРОВАНИЕ КЛАССА КРУПНЫХ СОБСТВЕННИКОВ

Для переходного периода, в котором живет российское общество с середины 80-х годов, наиболее радикальным процессом явилось формирование социальных групп собственников — крупных, средних и мелких, которые получают доход в виде прибыли, ренты, поступлений от денежных операций. Здесь наиболее интересен и важен процесс трансформации прежней правящей элиты в класс доминирующих собственников.

В литературе (пока еще весьма скромной) акцент перенесен на изучение правящих элит. Как очевидно, элиты и господствующие классы — не одно и то же. Во втором случае речь идет о социальной группе, владеющей собственностью, занимающей привилегированное материальное положение, обладающей престижными профессиями, реально контролирующей производство, распределение и обращение, формирующей и определяюще влияющей на деятельность правящей элиты.

Что касается элиты, то (если оставить в стороне разночтения в определении этого понятия) к ней обычно относят высший привилегированный слой общества, осуществляющий функции управления, являющийся властвующим меньшинством, принимающим решения со значимыми для окружающих последствиями. Ее членами являются представители высших кругов, управляющих главными институтами в трех основных сферах жизни общества — экономике, политике, армии. В составе элиты выделяют следующие группы: политическую, экономическую, военную. Реже добавляют административную, профсоюзную, информационную (масс-медиа) и научную.

Таким образом, элита выделяется по критерию позиции во власти, а господствующий класс — по генеральному критерию — обладанию собственностью. Именно пересечение и взаимодействие институтов власти и собственности предопределяет характер отношения «элита — господствующий класс».

Как известно, в обществах советского типа институты власти и собственности не были разделены. На основе отношений «власть — собственность» сложился господствующий и в экономике, и в политике единый, целостный слой этакратии (номенклатуры). Этот слой был одновременно и социальной единицей в стратификационной иерархии, и властвующей элитой в государстве и его институтах. В предыдущем параграфе мы попытались раскрыть те механизмы (административный рынок), благодаря которым еще в период упадка этакратического общества стала рушиться цепь взаимосвязи «власть — собственность». Пришедшее к власти ельцин-

ское руководство не столько создавало новую систему государственности, отключенной от собственности, сколько реорганизовывало старую власть. А потому прежние властные структуры и люди интегрировались в новые институциональные образования. Другими словами, старая элита не ушла с национальной сцены, а в значительно части сохранила свои властные полномочия и привилегированное положение.

Однако свою целостность прежняя элита не уберегла, ибо произошло, прежде всего, отделение властвующей элиты от господствующего в экономике протобуржуазного класса. Процесс этот далеко не завершен, идет он крайне болезненно, но, тем не менее, банкир и промышленник, с одной стороны, крупный чиновник-администратор и лидер политической партии, с другой стороны, — это теперь не просто разные персоны, но и разные единицы в структуре общества.

Одни выходцы из номенклатуры, отбросив старый хлам уже не нужных лозунгов и идей, сменив внешний имидж, сумели занять устойчивое положение на верхних этажах законодательной и особенно исполнительной власти. Другие, ориентированные не столько на политическое лидерство, сколько на свое реальное материальное благосостояние, заняли ведущее положение в новых рыночных структурах, став крупными предпринимателями и банкирами.

Включение бывшей номенклатуры в новые социальные и политические институты проходило сравнительно медленно; это были годы исторической паузы, необходимой для того, чтобы правящий слой убедился в своей защищенности, а его представители смогли найти свои «экологические ниши». В этих условиях любое резкое движение в сторону перераспределения власти могло привести к необратимому конфликту с непредсказуемыми последствиями. Не случайно вернулись в политическую элиту активные противники новой власти: и организаторы августовского путча 1991 г., и октябрьской смуты 1993 г.

Характерны данные исследования российской элиты 1993 г. В административной элите Центра 60,1 % сохранили свой статус, имевшийся до августа 1991 г.; 27,2 % — повысили его; снизился статус у 12,7%. Еще меньше изменений произошло в составе дипломатической элиты: здесь сохранили статус 79,0%, повысили — 17,7%. Генералитет, верхушка армии в своем большинстве либо сохранили прежние позиции (35%), либо были повышены в чинах и званиях (47,5%). Так же выглядят и перемены в положении политической элитной группы: сохранение статуса — у 76,6 %; его рост — у 10,3 %. Высока была стабильность и региональной элиты: сохранили свой статус 52,5%, повысили — 40,0%.

Анализ показывает, что политики, прошедшие школу партийной карьеры (в КПСС), прошедшие все ступеньки номенклатурной лестницы, занимают ключевые позиции в региональной элите — на уровне президентов республик, губернаторов краев и областей. В 1992—1995 гг. резко возросла роль «старых» кадров и в правительстве России, и в парламенте[11]. Современная политическая элита более, чем на 60%, состоит из бывшей советской номенклатуры; лишь около 22% — новые люди. Но немалое число этих неофитов в политических верхах вышло из семей, принадлежавших к элитарным группам в прежней властной иерархии[12]. Эту завершающую свое формирование политическую и административную элиту вполне можно рассматривать как автономную часть господствующего класса.

Обратимся к собственно господствующему классу — владельцам крупной собственности. В исследованиях обращают внимание на то обстоятельство, что происхождение российских капиталистов во многом определило особенности их сознания и поведения. Главное качество их — в сочетании черт бывших партийно-советских аппаратчиков со свойствами обычных предпринимателей. Сохраняющиеся аппаратные качества позволяют ориентироваться в сложной российской ситуации, что делает их конкурентоспособными. Старые связи, навыки управления помогают решать новые задачи, хотя далеко не всегда наилучшим образом (поскольку они накоплены в других условиях). Но, как отмечает Р.В.Рывкина, иных кандидатов в капиталисты в России не было. «Быстрая и успешная трансформация бывших партийно-советских руководителей в бизнесменов говорит сама за себя: победителей не судят»[13].

Это апологетическое суждение известного социолога не бесспорно. Есть немало примеров неэффективности номенклатурных бизнесменов, их стремления сохраниться в тени неконкурентного квазирынка. Пожалуй, главное состоит в сопротивлении определенной части номенклатурного капитала становлению малого и среднего, особенно венчурного бизнеса.

Для понимания происходящего с «номенклатурными капиталистами» следует учесть наметившееся в 80-х годах разделение власть имущих на партийную и технократическую элиты. Последняя достигла к середине 80-х годов вершины своего влияния, но после

[11] См. подборку статей: Политическая элита России//Мир России. 1995. № 3—4.

[12] *Ершова Н.С.* Трансформация правящей элиты России в условиях социального перелома//Куда идет Россия. М., 1994.

[13] *Рывкина Р.В.* Формирование новых экономических классов в России... С. 42.

первых же лет перестройки эти профессионально грамотные и идеологически индифферентные хозяйственники потерпели поражение в борьбе за политическую власть. Им не удалось осуществить первоначальный замысел «социалистической модернизации» экономики; их позиции в политбюро и ЦК КПСС были ослаблены.

Зато ими стихийно был найден гораздо более эффективный путь реализации своих социальных интересов, с чем было связано ослабление их прямого участия в политике в начале 90-х годов. Ведь именно эта часть советской элиты организовала «номенклатурную приватизацию», стала ядром формирующейся крупной буржуазии. Главной из вырванных ими себе привилегий становится «разрешение на прибыль», включая такие способы ее получения, как создание совместных предприятий, получение льготных кредитов, привилегий в экспортно-импортных операциях, превращение министерств в концерны, приватизация рентабельных производств и т.д.

Главным же достижением директората и высшей отраслевой бюрократии стало обеспечение уже при правительстве Ельцина — Гайдара наилучшего для себя варианта приватизации. Они сумели избежать как либерального варианта (массовой свободной распродажи госсобственности на открытых аукционах), так и популистски-демократического (равномерный раздел между всеми гражданами). В результате директора добились возможности приобретать крупные пакеты акций своих предприятий (до 15—25%) по закрытой подписке, а в некоторых случаях становиться их полными владельцами.

Практически весь директорский корпус остался на своих местах, а лидеры министерств и ведомств либо получили крупные посты в исполнительных органах власти, либо возглавили концерны и банки национального масштаба. Постепенно директорат добился контрольных позиций в Совете Министров России, где на июнь 1996 г. и председатель, и его первые и не первые заместители плюс многие министры вышли из директорского корпуса (В. Черномырдин, В. Каданников, Ю. Яров и другие)[14]. Мэрии обеих столиц также возглавили выходцы из директората (в Москве — Ю. Лужков, в Петербурге — А. Яковлев).

Одновременно с вхождением на властный Олимп эти люди продолжают контролировать мощные финансово-промышленные группы: нефтегазовым комплексом, ядро которого образует Газ-

[14] *Николаев А.* Технократическая элита и политическая трансформация//Свободная мысль. 1996. № 5. С. 61—63.

пром — одна из крупнейших монополий в мире, руководит В. Черномырдин; так называемую Московскую группу, имеющую доступ к огромному финансовому и промышленному потенциалу Москвы, возглавляет Ю. Лужков; прозападно ориентированный бизнес группируется вокруг бывшего первого вице-премьера А. Чубайса, который по-прежнему контролирует Госкомимущество и тесно связан с международными финансовыми организациями; группа, руководимая до сих пор лицами из президентского окружения, контролировала военно-промышленный комплекс, ювелирную промышленность и производство стратегических материалов[15].

Все попытки покуситься на интересы директората никогда и ни к чему не приводили. Все годы реформ любые законы трансформировались в их интересах. Но против законов рынка не устояли и всесильные директора. Их доля в акционерном капитале составила в апреле 1994 г. 9%, а в июне 1996 г. — 16%. Как видим — рост, и при том ощутимый. Но за эти же годы доля сторонних акционеров («аутсайдеров») выросла с 21% до 45%, в том числе крупных — с 11% до 32%, мелких — с 10% до 13%. Уменьшилась доля акций у работников предприятий (с 53 до 35%) и у государства (с 17 до 4%)[16]. Это говорит о том, что директорат не смог существенно увеличить свой пакет акций и превратиться в подлинного хозяина национальной экономики. Молодые коммерческие банки, страховые компании, пенсионные фонды, брокерские дома и т.д., возглавляемые неофитами коммерции и бизнеса (включая высокий процент выходцев из комсомола), с исключительной быстротой занимают контрольные позиции в акционерном капитале большинства предприятий. К чему это приведет, покажет будущее. Пока вопрос об экономически эффективном собственнике остается ключевым, все еще не решенным для судеб России.

3. СРЕДНИЙ КЛАСС В ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

Многие авторы пишут о судьбе среднего класса в России. Вопрос, действительно, имеет первостепенное значение для перспектив развития страны. К среднему классу зрелого индустриального и информационного обществ обычно относят группы самостоятельно занятых, т.е. мелких предпринимателей, коммерсантов, ремесленников. Но наряду с ними все большее значение приобретают и группы хорошо оплачиваемых работников наемного труда: менеджеры, лица свободных профессий, научные

[15] *Грэхем Т.* Новый российский режим//Независимая газета. 1995. 23 ноября.

[16] Данные А. Радыгина.

работники, работники в сфере информатики и массовой информации, работники искусства, врачи, административные, торговые и инженерно-технические работники предприятий. Они образуют верхний слой среднего класса. К среднему классу относят также учителей школ, средний медицинский персонал и работников социальных служб, служащих государственных учреждений, техников, торговых агентов и т.д.

В России все эти профессиональные категории есть, но, как пишет В.И. Умов, «они почти всегда взаимоизолированы и не образуют общность, обладающую собственной идентичностью. Центры кристаллизации среднего класса рассеяны в общественном пространстве и весьма слабо просматриваются на фоне социально и политически активных номенклатурных, корпоративных и мафиозных структур... Среднего класса как такового в России нет, но есть огромная проблема: некому исполнить важнейшую для обеспечения прогрессивного развития функцию социального стабилизатора, смягчающего силовые действия классов-оппонентов, препятствующего лобовым столкновениям их политических представителей»[17].

Однако большая часть авторов, исходя из наличия сходных с западными обществами профессиональных категорий, доказывает, что еще в СССР сложился средний класс, который в ходе реформ стал исчезать. Так, А.С. Орлов пишет, что «пренебрежение социальными закономерностями со стороны экономических материалистов (т.е. правительства Гайдара — Черномырдина. — *О.Ш.*) спровоцировало стремительное хаотичное размывание среднего класса»[18]. По его оценке, средний класс «советского типа» составлял 25% населения. И реформы «разрушили прежние слои среднего класса и не смогли создать социальную базу для ожидаемого нового»[19].

Наиболее полно эта точка зрения выражена в статьях Л.А. Беляевой. По ее мнению, из процесса формирования российского среднего класса, по сути дела, исключается высококвалифицированный слой работников науки, культуры, образования, «служб воспроизводства и попечительства», технической интеллигенции. При всех издержках советская модернизация обеспечила форми-

[17] *Умов В.И.* Российский средний класс: социальная реальность и политический фактор//Полис. 1993. № 4. С. 29.

[18] *Орлов А.С.* Социально-политические очерки о среднем классе//Круглый стол бизнеса России. М., 1994. С. 22.

[19] Там же. С. 9—10.

рование уникального социального объекта — массовой интеллигенции с ее огромным интеллектуальным потенциалом. Именно интеллигенция, и прежде всего, ее «ядро» — «тончайший высокоинтеллектуальный слой общества» подготовили преобразования России. Но в рамках избранной модели реформ эти группы были вытеснены в бедные слои»[20]. «Стали формироваться крупные собственники и массовый слой мелкой буржуазии компрадорского типа... Начался массовый исход из интеллектуальной сферы»[21].

Если оставить в стороне разбор повинных лиц и причинных обстоятельств, то остается мысль об исчезновении уже существовавшего социального класса, что весьма сомнительно. Хотя трудно отрицать, да и нужды нет, факт ухудшения статуса многих потенциальных кандидатов в средний класс.

Среди критериев отнесения к среднему классу бесспорно есть уровень образования и его качество. Последний момент в условиях реформ многие социологи стали упускать из виду, хотя в 60-80-х годах было немало научных публикаций и дискуссий (в частности, в «Литературной газете») об избыточности производства инженеров, об иллюзорности заочного и вечернего образования, о вузах без профессоров и профессорах, не способных научить чему-либо студентов. Поэтому отнести всех, кто занимал должности, требующие высшего и среднего специального образования, всех, кто имел это образование, к потенциальному резерву среднего класса и тем более — к уже существовавшему, но размывавшемуся в процессе реформ среднему классу — нет никаких оснований.

Действительно, рынок даже в своем начальном состоянии повысил требования к качествам и работодателя, и работника. Поэтому изменилась и слоевая идентификация населения. Так, по специальному исследованию в Нижнем Новгороде к среднему классу относили себя: в 1988 г. 70,4% респондентов, в 1993 г. — 52,7%; в 1995 г. — 38,2%[22]. Частично здесь сказались и негативные факторы нисходящей мобильности. Но преобладает влияние приведения иллюзорного социального статуса к реальному. В.Е. Гимпельсон и В.С. Магун приводят данные представительного опроса Госкомстата России (май-июнь 1992 г.), из которого следует, что среди

---

[20] *Беляева Л.А.* Россия перед историческим выбором//Свободная мысль. 1993. № 15. С. 61—66.

[21] *Беляева Л.А.* Общие направления стратификации в переходный период//Социальная стратификация современного российского общества. Отв. ред. Л.А. Беляева//Круглый стол бизнеса России. М., 1995. С. 15—18.

[22] См. *Балабанов С.С.* Социальные типы и социальная стратификация//Социол. журнал. 1995, № 2. С. 116.

уволенных и вновь устроившихся на работу доля групп с низким социальным статусом возросла за счет более высокостатусных. В итоге, например, доля научных сотрудников сократилась по выборке с 2 до 0,5 %, специалистов — с 23% до 19%, зато процент рабочих при смене места работы вырос с 63 до 68, а служащих — с 5 до 7 (все данные приведены по мужчинам)[23].

Очевидно, что члены общества, оказавшиеся в этой ситуации, испытывают состояние депрессии, ущемленности, фрустрации. Им не просто найти место в новой жизни, где они неконкурентоспособны в своих притязаниях на «членство» в среднем классе.

Возникает самый важный вопрос: есть ли перспективы у среднего класса в России, какие группы складывающегося классового общества могут стать центрами кристаллизации среднего класса?

Отвечая на этот вопрос, социолог из Финляндии М.Кивинен отмечает, что многие русские исследователи связывают проблему среднего класса в первую очередь с собственностью. Но, по опыту Запада, сегодня средний класс — это прежде всего наиболее привилегированная группа наемных работников. Ресурсы власти нового среднего класса связаны не с собственностью, а с профессиональными навыками и стратегиями.

Однако в России до реформы использование ресурсов власти, представляемых профессионализацией, было ограничено. Здесь никогда не было национального рынка по профессиональным сегментам. Профессии функционировали внутри основных бюрократических организаций. Многие профессии, к тому же, находились в зависимом отношении к доминирующей идеологии. Традиционный образ мышления и этос русской интеллигенции были далеки от профессионализма, от специализированного труда («ремесла»).

Поэтому в России становление среднего класса определяется перспективой формирования профессий как социального института, связанного с предпринимательством. Социальные интересы ядра новых групп среднего класса не находятся в противоречии с интересами капитала. Прежде всего они стремятся сохранить значение умственного труда. Но в этом отношении их интерес согласуется с тенденцией капиталистического развития[24].

Шанс пополнить средний класс имеют группы специалистов высшей и средней квалификации промышленности и науки, ин-

---

[23] *Гимпельсон В.Е., Магун В.С.* Уволенные на рынке труда. Новая работа и социальная мобильность//Социол. журнал. 1994. № 1. С. 138.

[24] *Кивинен М.* Перспективы развития среднего класса в России//Социол. журнал. 1994. № 2. С. 134—142.

20–778

теллектуалы, руководители высшего и среднего звена управления, преподаватели университетов и средних школ. Но это еще не сам средний класс. Следует учесть, что вектор мобильности определенной части представителей этих групп все еще направлен вниз, т.е. нет автоматизма между профессиональной принадлежностью и классовой идентификацией, а есть весьма болезненный процесс перехода от принадлежности к размытой межслоевой группе — интеллигенции — к вхождению в состав профессионалов (professionals) как ядру будущего среднего класса.

К среднему классу относимы и вновь появившиеся лица свободных профессий, предприниматели в мелкопромышленном секторе и сфере услуг, работники информационного сектора, системы частного образования, специалисты и консультанты в финансово-банковской сфере, фермеры,менеджеры из работающих на частных и акционерных предприятиях.

Для формирования среднего класса помимо экономических предпосылок (характера экономической активности) необходимо складывание определенных стереотипов поведения, установок, системы ценностей, ассоциации с себе подобными, самоорганизация как общности.

4. ОБЩИЕ НАПРАВЛЕНИЯ СТАНОВЛЕНИЯ НОВЫХ ФОРМ СТРАТИФИКАЦИИ В РОССИИ

В большинстве публикаций преобладает отрицательная оценка стратификационных изменений в российском обществе, происходивших в конце 80-х и первой половине 90-х годов. Авторы обычно отмечают стремительное расслоение и массовую нисходящую социальную мобильность. При этом, как правило, данных, подтверждающих этот тезис, не приводят, либо ограничиваются отдельными примерами. Что бесспорно очевидно, так это соответствие данной позиции широко распространенному в обществе, особенно в интеллигенции, восприятию происшедших изменений.

Одним из первых высказал и пытался обосновать эти идеи М.Ф. Черныш. По данным 1992 г. он оценил долю слоя бедняков в Петербурге и Москве в 80% населения (по официальной статистике в целом по России — 40%)[25].

Тогда же по этому поводу выступил М.Н. Руткевич. Он отметил социальное значение идущей поляризации доходов, неправомерное обнищание при непрекращающемся профессиональном труде, который остается единственным источником существования. В связи с этим М.Н. Руткевич не соглашается с мнением об идущих процессах люмпенизации большинства россиян[26].

Более взвешенный подход содержится в коллективной работе под редакцией Л.А.Беляевой[27]. Авторы отмечают, что в переходный период формируются группы собственников. «Определенную роль продолжает играть причастность к перераспределительным процессам, и хотя, видимо, их значение уменьшилось, выдача чиновником лицензии, выделение квоты и т.д. дают шанс (и не малый) получить взятку» (с. 8). Основная часть населения получает доходы от работы по найму в государственном, частном или смешанном секторе. Наемные работники дифференцированы в зависимости от социального сектора занятости, отраслевой принадлежности предприятия и региона проживания. Глубокий кризис государственного сектора привел к снижению жизненного уровня и социального статуса занятых в нем людей. Авторы выделяют работников частного сектора, сосредоточившего, по их мнению, людей, «готовых рисковать, активных, энергичных, зрелых»; здесь преобладают мужчины в расцвете сил, в 2,5—3 раза меньше (чем в государственном секторе) молодежи до 30 лет. Отличительной особенностью работников частного сектора является то, что среди них до 30% заняты в нем частично, это — их вторая работа. Отраслевая структура смещена в сторону коммерции и обслуживания (с. 13).

Данные и оценки этой группы исследователей совпадают с позицией В. Дубина. По его мнению, «лучше всего чувствуют себя сегодня молодые люди, особенно мужчины с высоким уровнем образования. Их стартовый уровень (обучение, качество жилья, потребительская среда и др.) во многом ... обеспечен родителями. Сегодняшний день это «время молодых», время открытых возможностей, интенсивной работы, высоких заработков. В своих потребительских запросах они ориентируются на Запад и соответствующие нормы трудовой достижительской мотивации. Это поколение прошло период социализации в момент острого разложения и развала системы, некоторые даже позже. Закат «великой идеи», крах патерналистской культуры, так задевающие их родителей, ими, скорее всего, даже не замечены и не составили для них событий».

Особенности ресурсной базы разных поколений при включе-

---

[25] См. *Черныш М.Ф.* Социальная мобильность в обществе переходного типа// Социально-стратификационные процессы в современном обществе. Кн. I. М., ИС РАН. С. 85—120.

[26] *Руткевич М.Н.* Социальная поляризация//СОЦИС. 1992. № 9. С. 3—16.

[27] Социальная стратификация современного российского общества. Отв. ред. Л.А. Беляева//М. Круглый стол бизнеса России. 1995.

нии в рыночную действительность, различия стартовых возможностей для изменения социального статуса очевидны по итогам представительного опроса (ВЦИОМ, июнь 1994 г).

Что из перечисленного было у Ваших родителей?

Возрастные группы	Деревенский дом	Отдельная квартира	Домашняя библиотека
До 24 лет	20	61	34
40—55 лет	47	26	11
Старше 55 лет	60	9	5

Собственно цивилизационный перелом накапливался даже не от поколения к поколению, а через поколение, так что максимум разницы тут — между «дедами» и «внуками». Уровень нормы, достигнутой «отцами» в сферах, обеспечивающих жизнедеятельность, отвоеванный их усилиями и воспроизводимый изо дня в день порядок существования выступает для следующего поколения, опять-таки, естественным положением вещей, чем-то само собой разумеющимся[28]. У молодого поколения — иная самооценка, иная трудовая мотивация, иная мера успеха, иные критерии общественного признания.

Строение современного российского общества как системы групп и слоев, являющихся либо активными субъектами реформ, либо адаптирующимися к ним и(или) страдающими от них «объектами», — цель исследования Т.И. Заславской и ее коллектива. Согласно предположениям автора, российское общество ныне состоит из верхнего (политическая и экономическая элита, крупные и средние предприниматели, высшая бюрократия, генералитет, лидеры «директорского корпуса»); среднего (мелкие частные предприниматели, представители бизнес-профессий — работающие по найму коммерсанты, финансисты и пр., интеллигенция (специалисты); базового (полуинтеллигенция (помощники специалистов), работники массовых профессий торговли и сервиса, квалифицированные рабочие и крестьяне); нижнего (технические служащие, люди без квалификации и профессии, а также люмпены).

В исследовании используются данные «Мониторинга экономических и социальных перемен в России», проводимого ВЦИОМ с марта 1993 г., что обеспечивает высокую репрезентативность данных, а наличие большого числа аналогичных массивов, полученных на независимых выборках, дает возможность изучения групп, составляющих малые доли выборок.

[28] *Дубин Б.В.* О поколенческом механизме социальных сдвигов//Куда идет Россия. Альтернативы общественного развития. Вып. II. М., 1995. С. 237—247.

Для эмпирической идентификации групп каждая из них первоначально выделялась по теоретически обоснованным признакам. Затем строился «статусный портрет» группы с задачей шаг за шагом получить однородную совокупность опрошенных. При этом использовались 10 статусных характеристик (уровень образования, основная профессия, социальный сектор и отрасль занятости, размер предприятия, профессионально-должностная группа, уровень благосостояния, самооценка квалификации). Разные социальные группы выделялись по разным наборам признаков.

В итоге была получена довольно сложная реалистическая картина социальной дифференциации и стратификации россиян. Так, бизнес-слой был разделен на: собственников предприятий, самозанятых, наемных менеджеров, имеющих собственный бизнес, менеджеров-совладельцев акционированных предприятий, а также полупредпринимателей, не выполняющих управленческих функций[29]. Такая дробная классификация несомненно полезна при решении многих специальных исследовательских задач.

Чтобы ознакомить читателя с некоторыми основными тенденциями в социальной стратификации россиян, мы далее используем результаты исследования, проведенного под руководством автора главы в 1994 г. Опрос охватил 3200 человек из 11 районов России[30].

Таблица 1 дает сведения о социальном положении респондентов на момент опроса, а также из нее видно, что в 1990 и 1995 годах 3,2% активного населения открыто признали себя ведущими свой бизнес. На самом деле этот процент был значительно больше. Многие из представителей малого бизнеса и поныне продолжают числить себя и инженерами, и рабочими; по инерции и, боясь политической нестабильности, держатся за «государственную должность». Плюс к зачислившим себя в безработные следовало бы добавить находящихся в длительных отпусках без сохранения содержания. Можно внести и ряд других корректив. Тем не менее, таблица 1 по итогам общенационального опроса отражает первые серьезные перемены в стратификации общества.

Открыто отнесшие себя к буржуазным группам респонденты за десять лет до опроса, в 1985 г., были представителями всей гаммы тогдашних социальных позиций. Но больше всего среди

[29] *Заславская Т.И.* Структура современного российского общества//Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995. № 6 (20). С. 6—13.

[30] Описание исследования см. в статье: *О.И. Шкаратан, Н.А. Тихонова.* Занятость в России: социальное расслоение на рынке труда//Мир России. 1996. № 1.

Таблица 1. **Динамика социальной стратификации в России**

Социальные группы	Россия		
	1985	1990	1994
1. Предприниматели, коммерсанты	0,4	1,4	3,2
2. Управляющие и чиновники	5,8	5,8	5,8
3. Управляющие среднего звена	7,2	6,7	6,0
4. Высококвалифицированные профессионалы (с учеными степенями и др.)	1,6	1,8	1,3
5. Профессионалы с высшим образованием	21,4	20,0	18,8
6. Профессионалы со средним специальным образованием	9,9	10,2	10,1
7. Служащие	3,4	3,1	3,6
8. Высококвалифицированные рабочие	2,8	3,5	2,4
9. Квалифицированные рабочие	34,3	32,3	29,4
10. Не- и полуквалифицированные рабочие	9,7	11,3	10,3
11. Занятые в домашнем хозяйстве	3,1	3,4	3,9
12. Безработные	0,4	0,5	5,2

них — выходцев из работников с высшим образованием (21,4%), из студентов (26,4%). Последняя цифра еще раз демонстрирует активную роль молодых специалистов в создании отечественного бизнеса: ведь в 1994 г. студенты 1985-го года таковыми уже не являлись. Высокий образовательный уровень предпринимателей служит гарантией их адаптивности и динамизма.

Таблица 2 демонстрирует, как глубоко собственнические отношения проникли в повседневную жизнь почти всех социальных слоев россиян уже к 1994 г.

Подведем некоторые итоги. В силу слабой изученности «старой» модели стратификации в советской системе и недостаточных данных о состоянии социальных отношений в современной России наши выводы по необходимости носят предварительный характер. Трудности понимания и объяснения связаны также и с тем, что процессы изменения не имеют ясной инвариантной модели будущего. Многочисленные попытки принимать в качестве таких моделей социально-экономические системы, сложившиеся в других странах (Швеции, США, Китае, Бразилии) и обсуждать на этой основе варианты развития России с положительным или отрицательным знаком оценивания, конечно, в чем-то продвигают понимание собственных проблем. Но такие сравнения не есть ответ на главный вопрос: какова модель именно российского капитализма, именно российского классового строения складывающего-

Таблица 2. **Распространенность владения собственностью (1994 г.)**[31]

Социальные группы	Владеете ли Вы фирмой, предприятием?		Имеете ли Вы акции предприятий, другие ценные бумаги?		Владеете ли Вы недвижимостью?	
	нет	да	нет	да	нет	да
1. Предприниматели, коммерсанты	55,3	42,6	77,3	20,5	60,0	35,6
2. Управляющие и чиновники	86,7	12,0	67,4	31,4	60,8	36,7
3. Управляющие среднего звена	83,3	9,0	52,4	41,5	70,3	20,3
4. Высококвалифицированные профессионалы (с учеными степенями и др.)	94,4	5,6	72,2	27,8	83,3	16,7
5. Профессионалы с высшим образованием	89,3	6,9	76,9	18,9	70,5	23,8
6. Профессионалы со средним специальным образованием	92,8	3,6	73,9	23,2	75,2	19,9
7. Служащие	92,2	3,9	78,0	20,0	72,0	24,0
8. Высококвалифицированные рабочие	82,9	8,6	61,8	32,4	72,7	21,2
9. Квалифицированные рабочие	85,0	10,1	69,4	27,2	79,8	14,9
10. Не- и полуквалифицированные рабочие	92,4	3,4	81,4	16,6	71,1	24,6
11. Занятые в домашнем хозяйстве	96,2	—	88,5	7,7	70,4	22,2
12. Пенсионеры, инвалиды	92,7	2,0	79,2	16,2	69,2	27,6
13. Студенты	95,0	2,5	77,5	22,5	76,5	20,5
14. Безработные	90,1	4,2	78,6	14,3	72,9	22,9

ся собственническо-демократического общества с учетом культурного своеобразия, накопленных человеческих и материальных ресурсов.

Очевидно, что переход от старого типа стратификации к новому в России происходит эволюционно, путем постепенной трансформации. Существующая стратификационная иерархия носит транзитивный характер, сплавляя воедино старые и новые группирования. Наблюдается единение властных структур Центра с крупным финансовым капиталом. Слабо представлены в социальной мозаике средние слои. Идут сложные процессы социальной мобильности на фоне изменяющейся отраслевой структуры экономики и профессионального состава занятости.

В ходе этих перемен преобразуются ранее существовавшие социальные группы. Переход к рыночной экономике, по-видимому, подвел черту под историческим феноменом российской действительности второй половины XIX и большей части XX века —

[31] Ваучеры в расчет не принимались.

интеллигенцией: как особое межслоевое образование, во многом влиявшее на социальную и политическую жизнь страны, она исчезает, распадается на подлинных профессионалов — ядро среднего класса и на деклассирующуюся, переходящую в низшие общественные слои часть. Идет, в том числе и за счет бывших интеллигентов, формирование слоя малых и средних предпринимателей.

Становление частного предпринимательства изменило и социальное положение рабочего класса, превратив его из квазикласса, «ведущей силы общества», в реальную социальную общность наемных работников, имеющих право бороться с работодателями за улучшение условий своего существования.

Крестьянство существенно расширило свободу своей экономической деятельности. Отмерли прежние ограничения на ведение личного подсобного хозяйства, появилась возможность прямых связей с потребителями продукции, с одной стороны, и с производителями техники, удобрений и т.д. — с другой; стало возможным создать свое фермерское хозяйство. Серьезным ограничением является незавершенность приватизации земли.

Переход от стратификации иерархического типа, в которой позиции индивида и социальных групп определялись их местом в структуре государственной власти и степенью близости к источникам централизованного распределения, к доминирующей в цивилизованном мире классовой стратификации совершается с исключительной быстротой. Властные отношения все в большей мере уступают собственническим. Устойчива ориентация, особенно молодой части россиян, на предпринимательскую деятельность или, по крайней мере, на работу в частном секторе. Таким образом, можно признать состоявшимся выбор населением России своего социально-экономического будущего.

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ (ЗАКЛЮЧЕНИЕ)

Для понимания характера эволюции социальной структуры чрезвычайно важно понять «вектор» ее развития, ввести критерий, по которому можно было бы оценить прогрессивность или консервативность ее динамики.

В этой связи и целесообразно вспомнить классические труды Т. Парсонса, согласно которому изменения прогрессивного характера, увеличивающие способность общества воплотить в жизнь те или иные ценности, выражаются в дифференциации, т.е. образовании новых социальных групп, в том числе классов[1].

Задолго до Т. Парсонса К. Маркс следующим образом оценивал направленность общественной эволюции: «... ход абстрактного мышления, восходящего от простейшего к сложному, соответствует действительному историческому процессу». При этом отношения, присущие исторически более ранним и более простым сообществам, в более развитом обществе выступают «как более простое отношение развившегося организма», т.е. в социальной реальности: как отношения, отставшие от уровня развитости данного общества[2].

Каждый отдельно взятый человек ограничен в своих творческих и физических силах, возможностях хранить объем знаний, навыков, умений. Но человечество, благодаря способности разделять функции, специализировать и в то же время объединять людей, способно к непрерывному росту знаний, умений, творческого потенциала. Поэтому накопление человеческих знаний о мире, опыта производства и социальной жизни, достижений культуры позволяет расширить общие основания человеческой цивилизации, обеспечить ее прогресс.

Развитие производства требует возрастающей дифференциации деятельности людей, постоянно ведет к умножению и усложнению форм разделения труда. Взаимодействующие процессы дифференциации и интеграции в сфере труда приводят к функциональному обогащению и растущему разнообразию в деятельности людей. Совершенно правы те авторы, которые обосновывают причинную связь между отношениями распределения и обмена дея-

---

[1] *Parsons T.* Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives. Prentice-Hall, Englewood Cliffs, N.J., 1966. P. 21—25.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 39.

тельностью, с одной стороны, и социальными отношениями (как иерархического, так и равного) положения групп относительно друг друга, с другой стороны. Это возрастающее усложнение имеет целесообразный характер, поскольку содействует устойчивости общества, его большей приспособляемости к условиям среды. При этом неоднородности играют роль зародыша нового качества в восходящих и нисходящих линиях развития. Однородность же означает полное прекращение всяческого развития.

Мера развитости социальной структуры есть поэтому мера ее разнообразия, т.е. разнообразия видов и форм деятельности, способов связей между людьми, социальными группами и институтами. Поэтому история человечества есть рост разнообразия отношений, социальных групп, образов жизни, индивидуальностей. И сравнение, скажем, феодального общества с буржуазным подтверждает эту истину. И это естественно, поскольку развитие производства требовало все большего разделения труда, умножения числа предприятий и т.д.

Теперь взглянем на эту же проблему с позиций теории информации. При таком подходе мера развития и деятельности людей и социальной структуры может быть интерпретирована как мера их разнообразия. Последнее является объективным свойством материальных систем. Его можно считать характеристикой совокупности различий; тем самым, понятие различия оказывается более простым, чем разнообразие. И если различие характеризует внешнее отношение объектов, которые сравниваются (между собой), то разнообразие, являясь характеристикой самого объекта, выступает как нечто внутреннее по отношению к объекту. Это есть как бы некоторое отношение объекта к самому себе.

Общество, прогрессируя, накапливает опыт, знания, умения, т.е. информацию. Но количество информации есть количество разнообразия, хотя и не сводится только к нему. Поэтому, по мере развития социальных объектов, их перехода от уровня к уровню, должно возрастать и количество разнообразия (в нашем случае — разнообразия связей между людьми, разнообразия социальных групп).

Вполне оправданно было бы сформулировать закон возрастающего разнообразия деятельности людей и социальной структуры общества как общеисторический закон.

ВЫБОРОЧНАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Классическое наследие:

Вебер М. Основные понятия стратификации//Социологические исследования. 1994. С. 147—156.

Дэвис К., Мур У. Некоторые принципы стратификации / Социальная стратификация (отв. ред. С.А. Белановский). Вып. 1. М., 1992. С. 160—177.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 424—436.

Сорокин П. Социальная стратификация и мобильность / Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 302—334, 353—392.

Хрестоматии:

Bendix R., Lipset S.M. (eds.) Class, Status, and Power: Social Stratification in Comparative Perspective. L., 1967.

Lautnann E.O., Siegel P.M., Hodge R.W. (eds) the Logic of Social Hierarchies. Chicago, 1971.

Белановский С.А. (отв. ред.) Социальная стратификация. В трех выпусках. М., 1992.

Современные западные дискуссии:

Rose D. (ed.) Social Stratification and Economic Change. L., 1988.

Hamnett C. et al. (eds). Changing Social Structure. L., 1989.

Wright E.O. (ed.) The Debate on Classes. L., 1990.

Crompton R. Class and Stratification. Cambridge, 1993.

Советские эмпирические исследования:

Арутюнян Ю.В. Социальная структура сельского населения СССР. М. Мысль. 1971.

Гордон Л.А., Назимова А.К. Рабочий класс СССР: Тенденции и перспективы социально-экономического развития. М., 1985.

Шкаратан О.И. Проблемы социальной структуры рабочего класса СССР. М. Мысль. 1970.

Современные российские работы:

Заславская Т.И. Структура современного российского общества//Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения. 1996. С. 7—15.

Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни. Новосибирск, 1991, Раздел 3.

Радаев В.В., Шкаратан О.И. Власть и собственность//Социологические исследования. 1991. С. 50—61.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

СОВЕТСКОЕ И РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Учебное издание

Вадим Валерьевич Радаев
Овсей Ирмович Шкаратан

СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

Ведущий редактор **Л.Н. Шипова**
Художник **В.А. Королева**
Корректор **Л.В. Судовцева**
Технический редактор **Н.К. Петрова**

ЛР № 090102 от 14.10.94
Подписано к печати 02.10.96. Формат 60x90[1]/[16]. Бумага офсетная.
Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 20. Уч.-изд. 22.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 778

Издательство «Аспект Пресс»
111398 Москва, ул. Плеханова, д. 23, корп. 3.
Тел. 309-11-66, 309-36-00

Отпечатано с готовых диапозитивов на Можайском полиграфкомбинате
Комитета Российской Федерации по печати.
143200 г. Можайск, ул. Мира, 93.